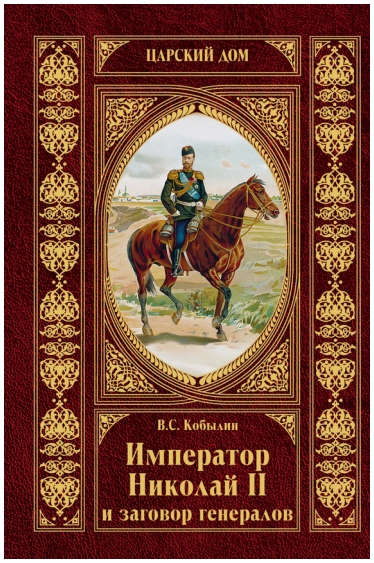

ЦАРСКИЙ ДОМ
В.С. Кобылин
Император
Николай II
и заговор генералов

Виктор Сергеевич Кобылин

Император Николай II и заговор генералов

Серия «Царский Дом»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654878
Кобылин В.С. Император Николай II и заговор генералов: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-2936-1, 978-5-4444-8323-7

Аннотация

28 февраля 1917 года произошел трагический надлом русской жизни, повлекший за собой крушение самой империи и ставший одним из величайших событий прошлого века. Вступила ли Россия в эру «светлого будущего свободы, равенства и братства» или взяла на себя грех отступничества под предводительством высших военных чинов? И как разделить вину за реки пролитой крови, братоубийственную войну и неописуемые бедствия, выпавшие на ее долю? Эти вопросы волнуют нас и спустя столетие.

Содержание

О.Г. Гончаренко 5
Вступительное слово к первому изданию (Всеславянское издательство, Нью-Йорк, 1970 г.) 10
Предисловие 11
Глава I 15
Глава II 22
Глава III 28
Глава IV 31
Глава V 38
Глава VI 42
Глава VII 44
Глава VIII 51
Глава IX 55
Глава X 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Виктор Сергеевич Кобылин
Император Николай II
и заговор генералов

© Гончаренко О.Г., предисловие, 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

О.Г. Гончаренко
Несколько слов о книге В.С. Кобылина

Тайна 28 февраля 1917 года продолжает будоражить умы вот уже более девяносто лет, и ей исследователи успели посвятить огромное количество публикаций самого разнообразного объема – от газетных статей до фундаментальных книг. Трагический надлом русской жизни, повлекший за собой неописуемые бедствия и крушение самой империи, казалось, стал величайшим событием прошлого века.

Не прошло еще и ста лет, когда вновь возникла потребность в осмыслении поступков и событий тех лет для более ясного понимания греха отступничества всего народа, представителей всех его сословий, дававших в 1613 году соборне клятву верности государю.

За семьдесят лет советской власти в сознании большинства народа это величайшее событие померкло и потеряло свой сакральный и судьбоносный смысл, главным образом, благодаря противоречивым и неглубоким книгам, авторы которых пытались трактовать отречение Государя как своего рода обыкновенную смену власти и заурядный переход от монархической формы правления к республиканской. Читателю объяснялось, что «народ устал», что конституционная монархия быстро утрачивала свое значение, и ее падение было предопределено естественным ходом мировой истории. Столь упрощенный и лукавый посыл обесценивал значение личности Государя, превращая его в безвольную «игрушку судьбы», а сам факт отречения в мало достойный внимания эпизод, характерный для смены вех.

Познать вселенский масштаб событий не смогли, увы, и многие их современники. Отречение не казалось величайшей драмой ни Блоку, ни иным властителям дум от литературы, ни Синоду и большинству составлявших его архиереев, ни даже представителям царствующего дома.

Как стало ясным потом, у каждой из социальных групп России были свои причины если не делать гибели Императора, то, по крайней мере, приветствовать его низвержение. И этот факт поражает нас больше всего, ибо кому, как не современникам императора, людям начала XX века, была превосходно известна величайшая духовная составляющая императорского служения и его предначертания для России и мира.

Напомним вкратце философское наполнение монархической идеи для читателей нового века, по вполне объективным причинам, мало знакомым или не знакомым с ее содержанием. Православная монархия еще со времен Византийской империи четко обозначала форму власти, при которой церкви, как одной из важнейших ее составляющих, облегчалась задача по спасению душ человеческих. Эта форма представляла собой *симфонию,* а иными словами – соправление светских и церковных властей, вместе служащих единой идее различными средствами. В описанной выше модели земного правления Церкви предоставляется спасать души для жизни вечной в Царствии Божием и бороться с внутренним злом в человеке, а государству защищать Церковь и свой народ от внешнего зла, в том числе, если необходимо, и силами своего флота и армии.

Православная монархия в России до февральской трагедии была единственным государственным строем, который расширял критерии своих «земных» задач за приделы исключительно «земных» интересов и видел в каждом человеке бессмертное существо, созданное по образу и подобию Божию для вечной жизни в Царстве Божием. Успешность и эффективность государственной деятельности измерялись его правителями не только экономическими показателями и политическими свободами, но тем, насколько оно помогало собственному народу спастись для жизни вечной.

Между тем православное вероучение говорит и о том, что развитие человечества даже в христианскую эпоху завершится его отходом от Бога и временным торжеством сил зла перед концом Истории. Это и есть тот несомненный духовный фактор, которым легко проверяются все те исторические события февраля 1917 года и последующей борьбы со злом с точки зрения Священного Писания и святоотеческого Предания.

В ходе знакомства с трудом В.С. Кобылина, о главной теме которого мы поговорим ниже, читателю имеет смысл избирать главным критерием в оценке противоборствующих сторон их отношение к Главной Истине – к Богу и Его предначертанию для Святой Руси. Это высокое духовное название-предназначение к началу 1917 года уже было потеснено идеей «Великой России», предусматривавшей для государственного устройства копирование западных стран, столь соблазнительно преуспевавших в глазах ее адептов в своем экономическом развитии в ущерб своему духовному развитию. Приближаясь к пику материального благополучия накануне Великой войны 1914–1918 годов, Россия начала все более обнаруживать явные признаки духовного упадка общества, проявившегося, прежде всего, в легкомысленном отношении правящих классов и дворянства к религиозному смыслу самодержавия. Навязчивая идея русской интеллигенции стать частью «цивилизованной» Европы, быть ею признанной и сподобиться сомнительной похвалы ее незаметно подвела российское общество к последней черте упадка.

Даже Св. Синод Православной Российской Церкви перестал сознавать важный духовный смысл православного самодержавия, и в церковной среде стали бурно расти антимонархические настроения еще с началом войны, разразившейся летом 1914 года. Самый непредвзятый анализ действий Синода, предпринятых в смутные дни февраля – марта 1917-го, заставляет поразиться беспечностью позиции Православной Российской Церкви в отношении верховной власти Государя.

В дни государственного кризиса и возникшей угрозы крупных социальных беспорядков члены Св. Синода взирали на происходящее по меньшей мере с поразительным равнодушием. В первые дни после отречения Государя, как вспоминал протопресвитер военного и морского духовенства о. Г. Шавельский, в Синоде «царил покой кладбища». Синодальные архиереи вели текущую работу, занимаясь, главным образом, решением различных бракоразводных и пенсионных дел. За этим на первый взгляд необъяснимым молчанием большинства иерархов скрывались их антимонархические настроения.

Бездействие и даже отстраненность проявлялись в отсутствие всякой реакции некоторых членов Синода на поступавшие к ним письменные обращения и петиции в защиту самодержавия, направляемые подданными Его Величества, среди которых было немало государственных чиновников, озабоченных происходящим в стране.

2 марта 1917 года синодальные архиереи частным образом собирались в покоях Московского митрополита. Члены Синода признали необходимым немедленно войти в сношение с Исполнительным комитетом Государственной Думы. На основании этого можно утверждать, что Св. Синод Православной Российской Церкви де факто признал Временное правительство еще до отречения Николая II от престола. Необъяснимым с точки зрения здравого смысла было и торжественное заседание Св. Синода, состоявшееся сразу после свержения Государя – 4 марта 1917 года. На нем председательствовал уже известный нам митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) и новый синодальный обер-прокурор В.Н. Львов, назначенный на эту должность Временным правительством. Без всякого видимого принуждения и, надо полагать, вполне искренне митрополит Владимир и члены Синода выражали искреннюю радость по поводу наступившей «новой эры в жизни Православной Церкви».

На следующий день, 5 марта 1917 года, Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему Дому «отныне не провозглашалось», а 6 марта 1917 года митрополит Киевский Владимир поспешил направить от своего имени

по всем епархиям телеграммы. Они содержали распоряжение о том, что «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство Ея».

Российское же правительство, которое должно было бы ясно сознавать опасность общественного крена идей, не только не предприняло никаких мер к обузданию грядущей смуты, но легко самоустранилось от участия в защите интересов страны. «В 10 лет “Государственная” Дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили за тысячу лет», – обобщал словно бы в послесловии к истории погибшей империи философ Василий Васильевич Розанов весной 1918 года.

В свете этих исторических событий становится понятным тяга новых поколений историков и публицистов русской эмиграции обобщить знания, разделить мифы и события реальные и установить, быть может, более значимые причины «февраля 1917-го». Отдельная линия книги, вынесенная в ее заголовок, – тема взаимоотношений начальника штаба главнокомандующего, Свиты Его Величества генерала от инфантерии М.В. Алексеева и Государя. Для этого важным представляется понимание значения и роли лиц Свиты, по Высочайшему указу зачислявшихся туда в качестве знака особой монаршей милости, а следовательно, и личного доверия Государя. Бесспорно, трудолюбивый и талантливый в штабной работе Алексеев имел на подобную привилегию все права, однако, по мнению автора, да и вообще объективно, именно он стал центральной фигурой грядущего государственного переворота, на котором сошлись многие, если не все, линии заговора.

Парадоксальность этого факта слишком очевидна, чтобы игнорировать ее по причине сравнительной «неизученности». Ближайшее в военном отношении лицо к Государю, человек, вышедший из самых низов народных, сделавший блестящую военную карьеру и осыпанный милостями своего монарха, стал главным распорядителем заговора. Книга Кобылина убедительно показывает, как генерал-адъютант в иных случаях умело педалировал события, изолируя сторонников Государя, мобилизуя своих единомышленников и все более, говоря образно, затягивая петлю на шее монарха.

Делал ли он это по каким-то ему лишь ведомым побуждениям, находился ли в ослеплении, был ли просто марионеткой в руках «мировой закулисы» – вот круг вопросов, на которые автор отвечает на страницах своей книги, предоставляя время от времени слово самым активным участникам переворота и современникам февральской трагедии. Надо отметить, что многие из них, находясь уже в эмиграции, поразительно простодушно признавались в собственных преступлениях, даже не осознавая смысла свершенного ими поступка. На это нередко обращает внимание и автор, в отступлениях от прямой речи участников дающий собственную оценку их дел, что порой бывает даже излишне, ибо слишком очевидными выглядят эти поздние признания и прозрения отступников. По ходу чтения книги становится все более понятной внутренняя и внешняя политическая обстановка тех лет, и все же авторские обобщения придают описательной части некоторую завершенность.

Мемуары и «прямая речь» участников и свидетелей выступают в книге мозаичным историческим полотном, на фоне которого разворачивается поистине Евангельская фабула взаимоотношений Преданного и Предающего. История, столь роковым образом время от времени повторяющаяся в России.

Одна мысль, невольным образом возникающая в ходе прочтения книги Кобылина, кажется особенно важной. Никакие, пусть в отдельных случаях, самые злостные устремления отдельных должностных лиц Империи не имели бы и малейшего шанса на успех, не выступи они единым фронтом под руководством умного и злого гения в лице начальника штаба Верховного главнокомандующего, сложившего и доведшего ситуацию вокруг отречения до ее практического воплощения.

Роль генерал-адъютанта Алексеева в трагедии «февраля 1917 года» перечеркивает его усилия по борьбе с большевизмом, и блестящие организаторские таланты по структурному оформлению и финансированию белой армии на ее начальном этапе – явствует из книги. В заключение Кобылин приводит даже ссылку на воспоминания одного из начальников штаба Марковского полка, Баттенбиндера, который из уст начальника дивизии генерала Тимановского слышал свидетельство о позднем раскаянии и прозрении генерала Алексеева, произнесенном вслух в присутствии последнего незадолго до своей кончины.

Кстати сказать, генерал-адъютант Алексеев ненадолго пережил преданного им монарха, скончавшись на Юге России летом 1918 года от болезни почек. Другой активный заговорщик, генерал Рузский, был незадолго до того казнен большевиками на Северном Кавказе. Чуть позже, в 1919 году, от тифа умер еще один предавший Государя генерал-изменник – Н.И. Иванов.

И все же, несмотря на центральную линию повествования, задача автора простирается далее того, чтобы представить историю предательства лишь как эпизод фатального невезения Государя, в трудный момент подпавшего под демоническое влияние своего начальника штаба.

Кобылин дает и недвусмысленную оценку действий родственников Государя в те дни, подчеркивая, что измена получила твердую почву и в великокняжеской среде, призванной, как и Церковь, быть опорой императорского служения.

Автор вспоминает один из самых хрестоматийных примеров, превосходно характеризующих ситуацию, сложившуюся в высших слоях общества. Напомним читателю суть его вкратце. 1 марта в 4 часа 15 минут дня в Таврический дворец приехал Великий князь Кирилл Владимирович. Великого князя сопровождали адмирал, командующий гвардейским экипажем, и эскорт из нижних чинов гвардейского экипажа. Великий князь прошел в Екатерининский зал, куда уже был вызван председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. Обратившись к председателю Думы, Великий князь Кирилл Владимирович заявил: «Имею честь явиться к вашему превосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь могу заявить, что весь гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Думы». Слова Великого князя потонули в криках «ура». М.В. Родзянко поблагодарил Великого князя и, обратившись к окружающим его солдатам Гвардейского экипажа, сказал: «Я очень рад, господа, словам Великого князя. Я верил, что гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнит свой долг, поможет справиться с общим врагом и выведет Россию на путь победы». Слова председателя Государственной Думы, как свидетельствуют очевидцы, были также покрыты криками «ура». Затем М.В. Родзянко, обратившись к Великому князю, спросил, угодно ли ему будет оставаться в Думе. Великий князь ответил, что к Государственной Думе приближается гвардейский экипаж в полном составе и что он хочет представить его председателю Думы. «В таком случае, – заявил М.В. Родзянко, – когда я вам понадоблюсь, вы меня вызовете». После этого М.В. Родзянко возвратился в свой кабинет. Ввиду того что все помещения Думы заняты, представители комитета петроградских журналистов предложили Великому князю пройти в их комнату. Вместе с Великим князем в комнату журналистов прошли адмирал гвардейского экипажа и адъютант Великого князя.

Хроника была повторена слово в слово и в дневном выпуске «Биржевых ведомостей». Похожее сообщение об этом возмутительном поступке поместило в начале марта большинство российских газет с незначительными разночтениями во второстепенных деталях. Опровержений со стороны Великого князя Кирилла Владимировича или же других участников этого события не последовало ни в те дни, ни когда-либо позже.

Факт подтверждается и собственноручной телеграммой Великого князя Кирилла Владимировича к своему дяде Великому князю Павлу Александровичу, отправленной еще до отречения Государя: «2-го марта 1917 года. Дорогой дядя Павел! Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасая положение, *признавая новое правительство.* Обнимаю. Кирилл».

Лицемерные слова об ответственности перед Государем и Родиной, оправдание своих преступных действий тем, что он якобы «спасал положение» – типичны для Великого князя Кирилла Владимировича. Но вот как эти действия оценивает другой участник позорного акта – М.В. Родзянко, приложивший столько усилий к совершению переворота в России. В своих воспоминаниях он по этому поводу пишет: «Прибытие Члена Императорского Дома с красным бантом на груди во главе вверенной его командованию части войск знаменовало собой явное нарушение присяги Государю Императору…»

Генерал Н.Н. Головин, бывший профессор Императорской Николаевской военной академии, а позже профессор русского историко-философского факультета, а также домашний учитель истории Великого князя в дни его отрочества в Париже, отмечает следующее: «Великий князь Кирилл Владимирович, являвшийся следующим после сына и брата Государя кандидатом на престол, ведет под своей личной командой батальон Гвардейского экипажа на присоединение к восставшим войскам, собиравшимся около Государственной Думы. Мало того: утром того же 14-го (1-го) марта он разослал начальникам частей Царскосельского гарнизона (Царское Село было резиденцией Императрицы Александры Федоровны) следующую записку: “Я и вверенный мне Гвардейский Экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы и вверенная вам часть также присоединитесь к нам”. Совершает все это Великий князь Кирилл Владимирович 14-го (1-го) марта, накануне отречения Государя, т. е. в тот момент, когда поведение членов Государственной Думы, какими бы мотивами оно ни диктовалось, являлось революционным. Говоря иными словами, Великий князь Кирилл Владимирович на третий же день солдатского мятежа присоединяется к восставшим и призывает к этому другие войска».

Так или иначе, благодаря столь всестороннему изучению даже второстепенных деталей этой измены планетарного масштаба, труд Кобылина не только не утратил значения в наши дни, но в силу своей насыщенности фактами позволяет увидеть общую картину национального бедствия. Несомненно, что это обращенное к нам из 1970-х годов прошлого века слово автора явится хорошим поводом для осмысления русской истории в один из ее самых роковых периодов.

Вступительное слово к первому изданию (Всеславянское издательство, Нью-Йорк, 1970 г.)

Староста Церкви имени иконы Казанской Божией Матери в Сантиаго, в Чили, в своем докладе по случаю 35-летия со дня смерти Государя Императора Николая Александровича и Его Августейшей Семьи, заканчивая его, сказал:

«…9-го марта вся Царская Семья была арестована.

Россия рухнула в бездну…

Прошло 35 лет от начала русской смуты. Много за это время пережито, и многое из того, что было тайным, становится явным. Сквозь туман взаимных обвинений, раздражения и злобы, вольной и невольной неправды, истина пробивается не свет Божий. Раскрываются двери архивов, становятся доступными тайны сношений, растут воспоминания, и у людей начинает говорить совесть. И по мере того, как с прошлого одна за другой ниспадают завесы, рушатся с ними и те злые вымыслы и сказки, на которых выросла, в злобе зачатая, русская революция. Как будто встав от тяжелого сна, русские люди протирают глаза и начинают понимать, что они потеряли.

И все выше и выше поднимается над притихшей толпой чистый образ Царственных страдальцев за грехи всея России. Их кровь, Их страдания и смерть тяжким укором ложатся на совесть всех нас, не сумевших Их уберечь и защитить и с Ними защитить и Россию… Покорные воле Предвечного, с Евангельской кротостью, несли Они поругание, храня в душе непоколебимую верность России, любовь к народу и веру в его возрождение. **Они простили всех, кто клеветал на Них и кто Их предал**[1]**. Но мы не имеем права этого делать. Мы обязаны всех виновных пригвоздить к столбу позора. Ибо нельзя извлечь из прошлого благотворных уроков для грядущих поколений, пока это прошлое не исчерпано до дна.**

Старое, доброе, хорошее погибло или примолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и звериных страстей, но Она жива – эта бесконечно трогательная душа православной сердобольной России. Под грубой корой предрассудков, под грязью и гноем, хлынувшими из трещин истории, – продолжает жить нежное и сострадальное сердце народа. Оно лучшая порука в том, что не все потеряно и погибло, что настанет день, когда из праха, из развалин и грязи встанет Россия, очистит себя покаянием, стряхнет с души своей инородное иго – и вновь явит изумленному миру беззаветную преданность исконным своим идеалам.

И умученный Царь-Праведник станет тогда первой святыней России».

На такой же точке зрения стоит и наше издательство, что и заставило нас принять к изданию предлагаемый читателям труд Виктора Сергеевича Кобылина[2].

---

[1] Не простил Государь только ген. Рузского. **(Изд.)**

[2] Издательство «Вече» публикует материалы В.С. Кобылина без купюр, так как они были изданы в Нью-Йорке в 1970 г. с максимальным сохранением орфографии автора.

Предисловие

Посвящаю памяти моей матери.
Автор

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.
2 Фессалон. 2, 7

С тяжелым чувством пишу я эти строки. Опять в памяти встают мучительные картины страшного времени. Опять встают недоуменные вопросы, на которые не находишь ответа. И все же продолжаю опять (в какой уж раз?) перечитывать все, что вышло из печати за последние пятьдесят лет. И не только перечитывать, но разбирать подробно написанное, сравнивать с другими изданиями, проверять тексты, систематизировать накопленный материал и искать повсюду недостающие еще материалы.

Часто задаешь себе вопрос: почему всю свою сознательную жизнь я интересовался этими событиями, почему неотвязно эти образы сопровождали меня в течение всей моей жизни? И сперва подсознательно, а потом все с большей уверенностью приходил я к выводу, что в этих событиях, в событиях одного дня, находится ключ к пониманию всех последующих событий, включая наши дни.

Я принадлежу к «молодому» поколению нашей эмиграции. В событиях, о которых речь впереди, принимать участия никак не мог по причине «нежного» возраста. За границу попал ребенком в первые годы революции. Но сравнительно скоро, будучи любознательным от природы, стал задавать себе вопросы о причине оставления родины и возникновения того, что мы называем революцией. И уже в годы, когда мои сверстники увлекались литературой, свойственной юному возрасту, я читал с неослабным вниманием и напряжением «Русскую Летопись», «Архив Русской Революции», «Красный Архив», воспоминания участников событий 17-го года, статьи по этому вопросу в газетах и журналах различных направлений на нескольких языках. Сперва читал как попало, без всякой системы. Затем стал весь материал систематизировать, делить на три части: на фактический материал (законы, указы, постановления, ленты прямого провода, телеграммы, приказы и т. д.), на мемуарный материал (воспоминания участников и очевидцев) и монографии и работы, написанные на основании первых двух категорий. И тут, будучи еще мало искушенным во всех тонкостях этих передач, я еще совсем молодым часто поражался той, выражаясь очень осторожно, субъективной оценкой, которую давали авторы работ, будь это воспоминания или монографии.

Затем, входя в зрелый возраст, я уже во всем этом отлично разбирался и все понял. Как правило, все, писавшие воспоминания, всегда во всем были правы, все предвидели, все понимали, и, если бы их «послушались», то все было бы в порядке и ничего плохого не случилось бы.

Далее, во многих воспоминаниях я увидел много всяких неточностей, невольных ошибок и явных искажений. Часто в этих воспоминаниях люди касаются предметов, о которых не могли иметь никакого понятия. В местах, не поддающихся проверке (в разговорах с глазу на глаз), передаются как факты, совершенно невероятные сообщения. Часто, не будучи свидетелями тех событий, о которых пишут другие мемуаристы, заявляют, что это было написано по злобе или что-нибудь в этом роде. Объективность, почти как правило, в этих воспоминаниях отсутствует. Часто мемуаристы оправдываются в том, что или было сказано, или сделано; это всегда производит очень неприятное впечатление.

С годами я приобрел навык разбираться уже и в том, какие труды и статьи могут или не могут появляться в том или ином издательстве или периодических изданиях. Имея уже достаточный опыт, я из накопленного и систематизированного материала стал делать свои собственные выводы.

Военные события сороковых годов заставили меня расстаться со всем этим материалом. Больше всего жалею о потере вырезок из газет и журналов, которых уже давно нет. Затем в течение целого ряда лет пришлось заниматься устройством личных дел, и только через продолжительное время я стал опять разыскивать интересующие меня материалы. Книги, выпущенные в двадцатых и тридцатых годах, стали редкостью и пришлось платить за них большие деньги. Но зато вышло много новых, интересных трудов и опять появились новые вырезки из газет и журналов.

Работая над этими трудами, я все более уделял внимания двум лицам. Они все больше меня интересовали, и я все больше приходил к выводу, что эти два лица были теми людьми, которые предопределили весь ход событий. Когда я это понял, я постарался «направить рефлектор» на них и осветить все малейшие подробности их поступков, малейшие переживания, «извилины души», все их высказывания и, как самое значительное, их моральный облик и мировоззрение.

Эти два лица – Государь Император Николай II и его генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Но тут сразу возникал вопрос: достаточно ли перечисления (хотя бы и самого подробного) всех событий, имевших место в те роковые дни, или нужно выяснить, осознать, прочувствовать все, что было «душой» этих событий, т. е. причинами их возникновения.

Будучи юристом и филологом по образованию, я всю жизнь интересовался социологией и историей и часто, в ущерб своим профессиональным интересам, штудировал и исторические, и социологические труды. Но кроме социологического анализа, который я кладу в основу моего исследования, я считаю совершенно необходимым применить критерий нравственного начала, без которого все становится условным и, что гораздо хуже, возможно толкование происходившего так, как это нужно для того или другого автора.

Оговариваюсь еще, что, когда я говорю о нравственном начале, я имею в виду религиозную основу этого начала, так как мне совершенно чужды «гуманистические» принципы материалистического мировоззрения. Как пример различного подхода к методу работы приведу работы С. Мельгунова.

В своем капитальном труде, трилогии «Царь и революция», Мельгунов дает так много материала, часто совершенно не относящегося к развитию темы, что порой он загромождает свою работу ненужными повторениями, сбивает читателя с толку и чрезвычайно затрудняет изучение своих работ. Поневоле приходится согласиться с И. Солоневичем, когда он говорит: «Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний и, как полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса». О выводах же в некоторых работах С. Мельгунова мы поговорим в другом месте, скажу только уже сейчас, что они порой поражают своей наивностью, а иногда и предвзятостью.

Есть работы и другого стиля. Это, например, «Великая фальшивка февраля» И. Солоневича, или «Памяти последнего Царя» архимандрита Константина, или же «Император Николай II и революция» И. Якобия.

Работы И. Солоневича интересны тем, что, несмотря на то что местами они весьма спорны, они являются смелой попыткой дать ответ на то, что происходило, избегая тех штампов, которые так характерны для работы «компиляторов».

Интереснейший психологический этюд архимандрита Константина дает совсем новое и очень вдумчивое толкование внутренней сущности тех сдвигов, которые произошли в сознании русского общества.

Работа И. Якобия, вышедшая в 1938 году, наделала в свое время много шума. Я проверил очень тщательно текст его работы и не нашел никаких искажений. Написана она на основании трудов Дитерихса, Соколова, Воейкова, Лукомского и др. Эмоционально повышенный тон этой книги и вызвал, как я думаю, нападки на эту работу Якобия.

Тут придется сказать несколько слов о вопросе деликатного свойства. В некоторых кругах нашей эмиграции существует мнение, что о вождях Белого движения можно писать только то, что пишется в официальных случаях в военной прессе (Приказ Р.О. В.С. № 7, например). Все, что пишется в разрез этому обыкновению, считается «клеветой».

Есть и другая тенденция, которой придерживаются пишущие в периодической печати. Это стремление найти «измену» только у одних и тех же лиц. Я не буду говорить о той нетерпимости и недоброжелательстве, которые проявляются сторонниками этих крайностей. Вряд ли это нужно, убедительно и объективно. Впрочем, все высказывания почти всегда субъективны по той простой причине, что люди являются сторонниками разных мировоззрений. Бесспорно, конечно, что, скажем, атеист или религиозный человек по-разному оценивают те или другие явления. Говоря о религиозном сознании, я имею в виду только Русское Православие, которое помимо своего вероисповедного признака является в то же самое время и национальной доктриной. К сожалению, не все это понимают. Происходит это часто просто по незнанию предмета или же от стремления заменить это национальное самосознание какими-то суррогатами.

Все это я говорю к тому, чтобы объяснить свой подход к моей работе. Если бы я ограничился только перечислением того, что произошло, то вряд ли моя работа была бы нужна. На эту тему написаны уже сотни работ, и все же появляются все новые работы на разных языках. Не странно ли? Казалось бы, что события наших дней должны были бы заслонить то, что имело место полвека тому назад. Ан нет! И это понятно. Люди как-то инстинктивно чувствуют (вряд ли понимают), что февраль 17-го года является каким-то рубежом, после которого началась совсем новая жизнь, вернее существование.

Кончил я свою рукопись уже давно, но закончив, я не решался ее опубликовать по целому ряду причин. Зная всю «болезненность» этой темы, я не хотел вызывать какие бы то ни было нелады в нашей эмигрантской общественности, я не хотел, чтобы меня неправильно поняли. Я всегда очень высоко ценил Русскую Армию, я знаю, какую роль играла наша армия в истории Русского государства. Я всегда благоговейно относился к памяти тех, кто пал смертью храбрых в рядах Добровольческой Армии. Эти русские юноши в офицерских и солдатских шинелях, в гимназических и юнкерских мундирах отдали свои жизни в борьбе со злом, вырвавшимся на свободу в ужасные дни ужасного года. Несмотря на все ошибки, все промахи и оплошности, которые совершило Белое движение, как было бы ужасно, если бы его не было. Оно спасло честь Русской Нации.

Вот почему я много лет держал свою рукопись под спудом. Из этого положения меня вывел издатель моего труда СВ. Завалишин. Зная много лет о моей рукописи, Сергей Владимирович мне писал в одном из своих писем: «…не следует забывать, что нам с Вами уже много лет и после нашей смерти этого уже никто не напечатает. История и защита чести Государя требуют опубликования Вашей рукописи уже теперь! А там как знаете! Вы хозяин!»

Прочитав эти строки, я долго над ними думал и… решил опубликовать свой труд.

В приводимой мной библиографии я, конечно, не смог указать всего, что было мной прочитано. Я не привожу ни трудов Соловьева, Ключевского, Платонова, Киреевского, Леонтьева, ни Тьера, Ленотра, Тойнби, ни всего того, что было прочитано на французском, немецком и английском языках, за исключением нескольких работ, которые я цитирую в своем труде. Изучение французской революции дало мне очень много для уразумения смысла февраля 17-го года. Боже, какие параллели! Иногда просто кажется, что русские события явля-

ются просто копией того, что происходило за сто с лишним лет тому назад. Тут и «безвольный муж», и «жена-немка», и «коленопреклоненный» дядя, и «чудесное» законодательное собрание и т. д. и т. д.

Верю, что выпускаемый мной труд не приведет ни к каким недоразумениям в нашей зарубежной общественности. Единственная цель этой книги – объяснить, почему Зло торжествует в нашей жизни, почему мы лишены той светлой радости, которая была на просторах земли, которую когда-то звали Домом Пресвятой Богородицы.

Глава I

Исторический обзор от Андрея Боголюбского до Александра II

Прежде чем приступить к описанию непосредственных событий, составляющих содержание моего исследования, я хочу предварить его небольшим историческим экскурсом в область общественно-политических отношений между властью и народом и их развитием на Московской Руси и в Российской Империи. Делаю я это для того, чтобы было понятно, какими принципами руководствовалась Верховная Власть в 17-м году, почему она упорно стояла на охране этих принципов. Для того, чтобы понять и то глубокое нравственное падение русской, по преимуществу столичной общественности, придется кое-что сказать и о том, что происходило в это время и в Западной Европе. Только после этого мы вполне поймем и осмыслим события, которые произошли в феврале 17-го года.

Идея единоличного самодержавия на Руси все время крепла, и еще до татарского нашествия Андрей Боголюбский был ее ярким представителем. Видя, какой вред приносят княжеские усобицы, Андрей Боголюбский начал ломать все старые порядки и сосредоточивать власть в своих руках, изгоняя при этом даже своих родных братьев, недовольных бояр и всех сторонников удельного порядка. Бояре ненавидели Андрея за умаление их власти и возвышение «мизинных» людей, т. е. разночинцев того времени. Бояре составили против него заговор, но «князь Андрей слышал раньше, что враги угрожают ему убийством, но разгорался духом божественным и ни мало не обратил внимания». Он был убит заговорщиками.

Иоанн II уже писал: «Иоанн, Божией милостью Государь всея Руси и Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский и иных». Временами он называет себя «Царь всея Руси». Это время было как бы заключительным звеном в развитии идеи царской власти с удельных времен. Брак с Софией Палеолог давал Русским Царям право на наследство Византийской Империи. Освобождение от татарского ига укрепляло это сознание. При Иоанне III владетельные права удельных князей почти уничтожаются. У них остается только право собственности, вотчинного суда и «помирия».

Но только Иоанн Грозный первый дал ясное определение царской власти. В своей переписке с князем Курбским, представителем аристократического начала, Грозный дает такую формулировку Верховной Власти: «Если ты праведен и благочестив, то почему не захотел от меня, строптивого владыки, пострадать и наследовать венец жизни?» Если Царь и поступает несправедливо, это его грех, но подданные обязаны ему повиновением. О шведском короле он говорит, что тот «точно староста в волости», а о выборном польском короле Стефане Батории Грозный говорит его послам: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже». О себе он говорит: «Мы смиренный Иоанн, царь и Великий князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению».

Таким образом не от народа, а от Божией милости идет к народу царское самодержавие.

Грозный еще говорил: «Российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи». «Верую, – говорит он, – яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных суд прияти ми яко рабу и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешат».

Так понимали тогда отношения Верховной Власти и народа и царь и народ. Тихомиров пишет: «Вдумываясь в эту психологию, мы поймем, почему народ о своем царе говорит в таких трогательных, любящих выражениях: «Государь, батюшка, надежа, православный царь». В этой формуле все: и власть, и родственность, и упование и сознание источника своего политического принципа. С таким миросозерцанием становится понятно, что «нельзя

царству без царя стоять», «Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится», «Без царя земля вдова». Это таинственный союз, непонятный без веры, но при вере дающий и надежду и любовь.

Система власти в Московском царстве представлялась в то время в следующем виде: во главе государства стоял Великий государь, Самодержец. Его власть была безгранична. Все принадлежало ведению его власти – политические, нравственные, семейные, правовые и другие интересы его подданных. Царь говорил, что за каждого подданного он даст ответ Богу. Царь направляет всю историческую жизнь нации, печется об отдаленнейших судьбах народа. «Царская власть – это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого, и имея в виду будущее нации» *(Л. Тихомиров)*.

«Грозные государи Московские, Иоанн III и Иоанн IV. были самыми усердными утвердителями исконных крестьянских прав, и особенно царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественных отношениях были независимы и имели одинаковые права с прочими классами русского общества» *(Беляев «Крестьяне на Руси»)*.

При Государе высшим учреждением была Боярская Дума, которая в частых случаях усиливалась новыми членами и превращалась в Земский собор. Соборы имели место при Иоанне Грозном, в которых участвовали духовенство, бояре, дьяки, дворяне, дети боярские, гости и купцы. Здесь были представлены все «чины» Московского Государства. На Соборе 1550 года Грозный каялся в промахах прошлого и обещал править, как подобает Самодержцу. В 1566 году Собор был созван по поводу войны с Польшей. В Соборе 1611 года участвовали уже и местные выборные власти и «уездные люди», то есть вольные крестьяне и также казаки. Не участвовали только «холопи» и владельческие крестьяне. На Соборе 1613 года, когда избирали на царство Михаила Романова, участвовало не менее 700 человек. Он продолжался более месяца. Свои решения выборные рассылали на опрос городов. В царствование Михаила Федоровича Соборы созывались пять раз. При Алексее Михайловиче соборы созывались три раза. В 1649 году по поводу составления судебного уложения, в 1650 году из-за мятежа в Пскове и в 1653 году о принятии в подданство Малороссии. Последний Земский Собор был созван уже при Петре в 1689 году для суда над Софьей. Их решения имели совещательное значение.

Связь царской власти с народом усиливали ее отношения с Церковью. Церковная жизнь в Московском Государстве зиждилась на правильных основах. Низшее духовенство избиралось мирянами. Среди монахов встречались как люди из боярских и княжеских слоев, так и люди из массы народа. Митрополиты, а затем патриархи имели исключительно важное значение. Но центральная власть Церкви в важных случаях действовала соборне. При Василии был созван Собор для изгнания митрополита Исидора, принявшего Флорентийскую унию. В 1551 году был Стоглавый Собор, в 1660 и 1661 годах – по делу патриарха Никона.

Митрополиты и патриархи находились в самом тесном союзе с царской властью. Случай с митрополитом Филиппом не был термальным явлением. Это, конечно, был акт деспотизма Грозного, но твердость митрополита в обличении Царя показывает право церковной власти на обличение государственной власти. Часто церковная власть принимала формы чрезвычайные, как, например, в случае Патриарха Гермогена, когда он стал единственным представителем нации. Так было и при Филарете и одно время и при Никоне. Но в общем отношения были самые тесные, проникнутые сознанием обоюдной необходимости и внутренней дополняемости. Представители Церкви участвовали также в совещаниях с боярами и земскими соборами, а также «печаловались» о всех обиженных и угнетенных.

«За самодержавную власть народ стоял твердо, как скала. Без Царя он не представлял себе своей страны. Народ вынес все казни Грозного, не только без протеста, но даже умел почувствовать в этом царе то, чего и доселе не понимают многие ученые историки и юри-

сты: действительно великого устроителя земли Русской. Царской Верховной Власти народ не изменял с тех пор до сего времени никогда. Попытки явного ограничения самодержавия у нас доселе никогда не удавались» *(Л. Тихомиров «Монархическая Государственность»)*.

Первой трещиной в гармоническом сотрудничестве государства и церкви в Московском Государстве был раскол. Как мы видели самодержавная власть имеет свой источник в вере, ее нравственной основой является вера, оформленная в церкви. И, как раз в этом основном мериле правды появилась рознь. Выходило так, что Церковь как бы раскололась – на одной стороне царская власть, патриарх и верхние служилые слои, а на другой – народ. В. Соловьев по этому поводу говорит: «Дело шло не о тех частных пунктах, которые выставлялись спорящими сторонами, а об одном общем вопросе весьма существенного значения. Чем определяется религиозная истина: решениями ли власти церковной или верностью народа древнему благочестию? Вот вопрос величайшей важности, из-за которого на самом деле произошла жестокая и доселе непримиренная распря между "никонианами" и староверами» *(В. Соловьев «История и будущность теократии»)*.

С этого времени началось время «шатания». И это как раз накануне того поворотного в истории русского государства периода времени, когда на исторической сцене появился Петр. При Петре то, что раньше являлось незыблемой основой самодержавия, т. е. основа религиозная, стал меняться в сторону абсолютизма. Политическое самосознание вступило в опасный кризис – смешивания самодержавия с абсолютизмом. По поводу реформ государственных и церковных я приведу мнение Л. Тихомирова: «В основной; задаче своей Петр был прав. Он понял, что как монарх, как носитель царского дома имел обязанность взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию как можно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Мы и при Петровской реформе попали в доселе длящуюся кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до времен Фридрихов Великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европой всего мира. Но Петр был прав только для своего момента и для своего дела. Когда же эта система закабаления народа государством возводится в принцип, она становится убийственной для нации, уничтожает все родники самостоятельной жизни народа. Петр же не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государству, не принял никаких мер к тому, чтобы временная система не стала постоянной, не принял мер даже к тому, чтобы закрепощенная Россия не попала в руки иностранцам, как это и вышло тотчас после его смерти. Петр стремился организовать самоуправление на шведский лад, и, с полнейшим презрением к своему родному, не воспользовался нашим общинным бытом, представлявшим все данные к самоуправлению.

Церковная политика Петра столь же или даже более зловредна. Значительная доля иерархии, без сомнения, была враждебна реформе Петра. Петр имел право, как самодержец, принять меры к обузданию всякого сопротивления. Но он перешел в этом всякие границы. Он, как царь, мог не слушать епископов или даже казнить их. Но перестраивать Церковь для подчинения ее государству – не имел ни малейшего права. Петр – в случае понимания своего царского принципа, мог бы вспомнить, что организация церкви, вполне обеспечивающая порядок, установлена самой церковью, более 1000 лет до рождения его самого, и что если следовало устроить Русскую Церковь, действительно весьма расшатанную самим же Петром и его нежеланием целых 20 лет допустить избрание нового патриарха – то для этого устроения не было надобности выдумывать "Духовный Регламент", а следовало только избрать патриарха и собрать обычной собор, который, конечно, и сам установил бы все, что есть дельного в "Регламенте". Впрочем, излишне лицемерить 200 лет после Петра. Само собою, что не о порядке в церкви он думал, а о ее подчинении царской власти. Это не суть действия монарха, хотя бы лично неверующего, а действия увлекающегося про-

тестанствующего новатора. Между тем дух мероприятий Петра естественно остался и после него, особенно при им подготовленном господстве немцев».

Таким образом, начиная с Петра, когда взамен патриарха, который был «совестью» народа, мы получаем Синод как возглавление церковного управления. Фактически высшей властью Церкви является обер-прокурор, который ведет все сношения с Верховной Властью. Он сделался посредником между Царем и Церковью. Обер-прокурор есть как бы министр церковных дел. Епископы занимают второстепенное положение, и Верховная Власть не имеет прямого общения с Церковью, как это было до учреждения Синода.

И все же надо сказать, что, несмотря на то что вся система управительных учреждений во всех ведомствах, особенно в 19-м веке, была направлена к тому, чтобы отрезать Верховную Власть от народа, живые силы нации постоянно вносили в действия бюрократии социальные поправки. Несмотря на все европейские навыки в государственном управлении, различие между русской Верховной Властью и европейским абсолютизмом было значительно. Значение православия для самодержавной идеи было особенно важно в этот период подражания Европе. Православная вера, поскольку она была в сердцах людей, подсказывала не абсолютистскую, а самодержавную идею. Митрополит Московский Филарет так это определяет: «Самодержавием Россия стоит твердо. Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчиненных деятелей есть Царь» *(«Государст. учение Филарета, митроп. Московск.», изд. М. Каткова)*.

Для Монарха существуют известные принципы, которыми он должен руководствоваться. Главные из них – это справедливость, законность и милосердие. Грозный о справедливости так говорит: «Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кратчайшим, овогда же ярым. Ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имеет – несть Царь». Принцип законности особенно важен для самодержца. Верховная Власть, издав закон, должна ему подчиняться и его охранять, пока он не будет изменен или отменен в том же узаконенном порядке. Милосердие – неотъемлемое право Монарха. Таким образом Царь ограничен содержанием своего идеала, осуществление которого составляет его долг. Монарх выражает дух народа. Он должен сознавать свою безусловную необходимость для нации. В этом Царь должен быть всегда уверен. Ни в каком случае, ни при каких опасностях, ни при каких соблазнах он не может упразднить своей Верховной Власти. Карамзин писал Александру I: «Россия пред святым алтарем вручила самодержавие Твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание Твоей власти: иной не имеешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее». Катков пишет, что сам Монарх не мог бы умалить полноту прав своих. Он властен не пользоваться ими, подвергая тем самым себя и государство опасностям, но он не мог бы отменить их, если бы и хотел. Тихомиров пишет еще более ясно и точно: «Монарх, по смыслу своей идеи, даже и при воле на то народа, не может ограничить своей власти, не совершая тем, вместе с народом, беззаконного (с монархической точки зрения) coup d'Etat. Ограничить самодержавие – это значит упразднить Верховную Власть нравственно религиозного идеала, или, выражаясь языком веры, упразднить верховную власть Божию в устроении общества. Кто бы это ни захотел, монарх или народ, положение дела от этого не изменяется. Совершается переворот, coup d'Etat. Но если народ, потерявши веру в Бога, получает, так сказать, право бунта против Него, то уж монарх ни в каком случае этого права не имеет, ибо он, в отношении идеала, есть только хранитель, depositaire власти, доверенное лицо. В отношении идеала монарх имеет не права, а обязанности. Если он, по каким либо причинам, не желает более исполнять обязанностей, то все, что можно допустить, по смыслу принципа, есть отречение от престола».

Для понимания того, что происходило накануне февраля 17-го года, совершенно необходимо, хотя бы очень кратко, коснуться вопроса о русском дворянстве. Дворяне в допетровское время на Руси составляли главным образом военную и административную силу страны, были землевладельцами, стояли близко к народу, жили с ним, управляли им и никак не отличались по своему мировоззрению от него.

При Петре все это меняется. «Служба дворянина делается постоянной: от нее избавляются только за дряхлость и увечья. До Петра служилый человек отбывал службу как бы за поместья, с Петра он начинает нести ее как член особого сословия – благородного дворянства» *(Романов-Славатинский «Дворянство в России»)*. Таким образом, дворянство было в распоряжении государства, точно так же как крестьянство у дворянства. При Петре путь к дворянству открывали чины, так что дворянство составлялось из разнообразных слоев, но у них быстро развивался сословный дух и сознание своего «благородства». Дворянские земельные владения непрерывно возрастали от Петра до Александра I. Возрастало также и количество крепостных. До Петра крепостное состояние не было сословным. С Петра же дворянство получает исключительное право владеть крепостными. Дворянство таким образом являлось как бы представителем России перед Верховной Властью. Но все привилегии дворянства могли держаться только Царем. Крестьяне служили дворянам, а дворяне – Царю. Лучшие дворяне проводили политику патриархальных отношений к своим крепостным. Но были, конечно, и другие отношения. По мере успехов просвещения в России права дворянства и обязанности крепостных начинали всем казаться уже все более отжившими и рассматривались уже не как необходимость, а злоупотребление. Верховная Власть стояла на этой точки зрения. Уже Александр I старался уничтожить крепостное право, а Николай I всю свою жизнь подготовлял освобождение крестьян. Произошло бы это освобождение значительно раньше, если бы дворянство не тормозило подготовку этого акта всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Дворянство просто не хотело отказаться от выгодного положения, созданного для него историей. А в распоряжении дворянства были средства весьма внушительные – вплоть до цареубийства. И величайшим подвигом царского самодержавия был 1861 год, когда Император Александр II, после долгих лет оттяжек со стороны организованного дворянства, обнародовал акт об освобождении крестьян от крепостной зависимости. С этого времени Россия вступила в новый период времени, период нового строя.

Кроме освобождения крестьян Александр II дал стране целый ряд реформ, который совершенно изменил социальную структуру общества. И несмотря на все это в стране начинается то движение, которое можно условно назвать конституционным. Стало распространяться мнение, что освобождение крестьян и другие реформы – только первый шаг к «окончательному» освобождению, каким считалось народное верховенство или суверенитет народа в государстве. Очень ходким выражением стало «увенчание здания», т. е. ограничение самодержавия конституцией. Власть монарха казалась уже «отжившей». И это движение проявилось с периода реформ со страшной силой и быстротой. Началась пропаганда отрицания религии. Это движение подрывало и православие и идею царского самодержавия, подрывало и психологическую настроенность к склонности к самодержавному царскому принципу. К этому движению присоединился социализм. Будучи вначале достоянием образованных слоев, он постепенно стал проникать и в народ, особенно в городах. Он совершенно отрицал религию и проповедовал идею социальной демократии. Появился новый общественный слой – интеллигенция. В этот слой входили как дворяне, так и разночинцы. Тихомиров пишет, что «новая интеллигенция унаследовала у стародворянской всю ее требовательность в отношении прав личности, но не имела ни силы, ни самостоятельности, ни тонкости личности стародворянского времени. Элементов устойчивости в ней поэтому было меньше, элементов самоуверенности и требовательности стало еще больше» *(«Монархич. Государств»)*.

Эта новая интеллигенция была слишком слаба как культурная сила, но сплачивалась на отрицании. Эта интеллигенция связала себя с новым космополитическим и революционным духом. В этой разношерстной интеллигенции появилось много нерусских элементов, которые стали захватывать влиятельную роль в областях, главным образом, либеральных профессий. Эта интеллигенция не только в своих крайних проявлениях, как социалисты, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала державную силу, требовала не тех или иных мер, а просто устранения Верховной Власти и отдачи России им. Конечно, при таких условиях никакого Сотрудничества быть не могло, оставалась борьба до полного уничтожения побежденного.

Верховная Власть не всегда это понимала, не могла представить, чтобы в стране с вековым укладом государственного устройства на религиозной основе могли существовать такие принципиальные ее враги. Зато эта самая интеллигенция, как «крайняя», так и «либеральная», прекрасно отдавала себе отчет в этом и систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы всякий шаг развития страны обратить в беспощадную борьбу против существующего строя. Эта интеллигенция была и в рядах бюрократии и нередко стремилась к мероприятиям правительства, которые противоречили идее самодержавия. Крайнее же крыло революционной интеллигенции перешло к системе политических убийств.

Что же происходило с народными массами после освобождения? Начиная с 1861 года крестьяне стали терять свой прежний, крепко сложенный однообразный состав. С появлением заводской промышленности значительные массы крестьян устремились в города. Фабрика не давала в социальном отношении ничего, кроме деморализации. В скором времени фабричное население стало нести свое влияние и в деревню. На фабрике нашла себе почву отрицательная и социалистическая пропаганда.

Кто же остался около Верховной Власти в это время? Остались ее бюрократические служебные органы. Бюрократия, насаждаемая с Петра и в особенности усиленная с Александра I, разъединила Царя и народ в момент, когда их единение было совершенно необходимо. Что касается земства, то участие крестьян в нем было минимально, а дворяне, в нем работавшие, на самом деле были политиканствующими интеллигентами. Земство больше думало о своем политическом укреплении, чем о своей работе. Правительство в свою очередь стало с недоверием смотреть на земство, вернее на ее тенденцию расширить свою компетенцию.

На Московской Руси единению Царя с народом помогала Церковь. В Петербургский период Церковь сама была отрезана от Верховной Власти, с подчинением той же бюрократии, как и вся нация.

Широкие круги интеллигенции, требовавшие «увенчания здания», требовали, конечно, парламентарного строя. Отвергая эти требования, власть давала только бюрократическую опеку и централизацию правительственных учреждений. Таким образом бюрократическое всевластие соединяется с социальной расшатанностью. И это начало проявляться во всех сферах, и гражданских и духовных. Наконец началось движение, до сих пор незнакомое в России – объединение не русских народностей с русскими революционерами. Появляется коалиция сил, которая всеми силами старалась свергнуть Самодержавную Монархию.

Еще до убийства Императора Александра II Достоевский писал в своем дневнике: «Безбожный анархизм близок – наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются» *(«Дневник Писателя». 1876)*. И затем: «Да, новый дух придет, новое общество восторжествует. В этом не может быть никакого сомнения. И

этот злой дух близок – наши дети узрят его. Мир спасется уже после посещения его злым духом» *(«Дневник Писателя». 1877).*

В этой цитате интересно одно выражение: «…Интернационал распорядился». Что же это такое этот интернационал? Одна ли это организация, или под этим словом надо понимать что-либо другое? Под этим словом надо понимать ту вековую ненависть, которую питал Запад в отношении России. В этой ненависти сплетаются религиозные, социальные, политические, экономические и расовые элементы этой вражды к государству с совершенно чуждым и непонятным Западу нравственным идеалом. Самодержавный Царь, Помазанник Божий, носитель Верховной Власти одной шестой части всей вселенной, был ненавистен Западу, который свою политическую жизнь к тому времени устроил на совсем других началах. Ниспровергая «алтари и троны» или устраивая их так, что эти «алтари и троны» были послушными марионетками в руках тех сил, которые держали в своих руках уже все нужное для контроля над послушными исполнителями их воли, «они» не могли, конечно, допустить такого явле

ния, как Русское Православное Царство. Действовали они и через социалистические партии, разжигая классовую ненависть, и через масонство, проникшее во все слои общества, не исключая членов династии, и через продажную прессу и использовали многолетнюю неприязнь Англии и спровоцировали Германию для выступления против России, имея конечной целью уничтожение монархии в трех Империях и торжество так называемой демократии, на самом деле ничего общего не имеющей с подлинными интересами закабаленных народов. Излишне, конечно, говорить, что интернациональный капитал принимал в этом самое живое участие. Остается только удивляться, как легко пошел русский народ во всех своих слоях на эту губительную приманку. Променять свои подлинные национальные интересы, свою идеологию такого самобытного государственного бытия, как Самодержавие, отказаться от нашего Русского Православия как национального мировоззрения в угоду совершенно несуществующего нигде в природе народовластия, когда от имени народов говорят и правят совершенно беспринципные и безнравственные лица, когда уничтожается вековой уклад и быт людей, когда от них отнимается вся радость жизни, все нравственные устои жизни нации и взамен дается только заведомо ложное утверждение о «свободе» человека. Какой свободе? Свободе от тех заветов, которые нам дал Сам Господь – «Люби Господа всем сердцем и всем помышлением» и «люби ближнего своего, как самого себя», и заменой их ненавистью, ложью и торжествующим злом.

Глава II

Александр II. Александр III. Первые годы царствования Николая II

Часто в жизни человека переживания детских и юных лет налагают отпечаток на всю последующую жизнь. В особенности это заметно обнаруживается, когда это касается носителей Верховной Власти. Так обиды, которые терпел Грозный от бояр, будучи ребенком, никогда не были им забыты и привели в конце концов к опричнине. Малолетний Петр, присутствуя во время стрелецкого возмущения при смерти своего дяди Нарышкина, затаил недобрые чувства не только к стрельцам, но и к Москве. Эти недобрые чувства привели впоследствии к фатальному истреблению старого уклада жизни. Нелюбовь Екатерины II к своему сыну Павлу и постоянные обиды от ее фаворитов и от нее самой сделали Павла угрюмым и подозрительным. Совершенно неправильное воспитание Александра I под руководством республиканца и масона Лагарпа создает тот двойственный характер этого Государя, который губительно отзывался на судьбах России. Бунт декабристов, который всегда был так близок сердцу «прогрессивной» части нашей общественности, в первый день царствования Государя Николая I, наложил неизгладимый отпечаток на характер его правления. И было отчего. Ведь в программе этих сторонников «гуманности и прогресса» первым пунктом числилось истребление всей Царской Семьи. Они были теоретическими, так сказать, предтечами убийц Ипатьевского подвала. И несмотря на это, Император Николай I посылает в Сибирь Жуковского для того, чтобы дать сосланным всевозможные облегчения, но от имени самого Жуковского, строжайше запретив говорить, что эти льготы исходят от него. Но и Толстой, и Мережковский, и все «прогрессивные» люди называли Государя Николаем Палкиным. Кстати, как неприятно даже писать это слово. «Прогрессивный Блок» (о котором речь еще впереди), «прогрессивное человечество» (любимое выражение советской прессы) и «прогрессивный паралич» (садиста Ильича, 100-летний юбилей которого собираются отпраздновать Объединенные Нации) несомненно имеют какую-то между собой внутреннюю связь. И это не только каламбур, а самая настоящая реальность.

Убийство Императора Александра II, Царя-Освободителя, давшего свободу миллионам русских людей, одно из самых отвратительных преступлений, которое могли совершить только настоящие изуверы. Они такими и были. Как было искалечено сознание этих людей, как искажено представление о добре и зле! Конечно, это злодеяние не могло не оставить глубокого следа в сознании молодого Императора Александра III. И прав был, конечно, Победоносцев, когда он говорил Александру III, чтобы Государь повел вверенное ему Богом Государство Российское по пути Самодержавия, а не западного парламентаризма.

Император Александр III своей властной рукой остановил революционное движение, спрятавшееся в подполье, и дал тринадцать лет спокойствия стране. Сейчас мы вспомним все нападки на Царскую власть в ее кровожадности, насилии, жестокости и прочих измышлений. А ведь после бунта декабристов, т. е. вооруженного восстания против существующего строя, было повешено только пять человек, а после убийства Императора Александра II столько же. И после суда, который длился так долго, сколько нужно было для подлинного правосудия.

Во время убийства Александра II Его внуку Николаю было тринадцать лет. Это возраст, когда уже человек отдает себе отчет в том, что происходит, что его окружает. И смерть деда, конечно, тоже осталась в памяти царственного юноши. Император Николай II родился в мае 1868 года в день Иова Многострадального, и это обстоятельство значительно позже Государем рассматривалось как Божие предопределение. Вопреки чрезвычайно некомпетентному, но весьма распространенному мнению русского «передового» общества, Государь получил

очень тщательное образование. После общеобразовательного курса Наследник Престола получил высшие юридическое и военное образование. Среди Его профессоров были такие известные авторитеты, как К. Победоносцев, Н. Бунге, Е. Замысловский, генералы М. Драгомиров и Г. Леер. Военный стаж проходил в гвардейских частях всех трех видов оружия. Принимал участие в заседаниях Государственного Совета и Комитета министров.

Мировоззрение Государя, определившееся еще до восшествия на престол, было таким же, как к у Его отца. Основой его взглядов была незыблемая вера в Бога и в свой долг. Он, как и его самодержавные предки, полагал, что вся ответственность за судьбы государства лежит на нем, Он отвечает перед Богом за них.

Государь обладал большим личным обаянием. Будучи тщательно воспитанным, он производил чарующее впечатление на своих собеседников, часто недоброжелательно к нему относившихся. Но была у Государя еще одна черта, которая сыграла решающую роль в конце его царствования, – Государь не обладал властным авторитетом личности, в нем не было той внутренней мощи, которая заставляет людей беспрекословно повиноваться, иначе говоря, Государь не обладал даром повелевать. Это совсем не значит, что Государь был слабоволен, как это часто утверждают, отнюдь нет, он умел настоять на исполнении своих решений, которые оспаривались его министрами. Чтобы выразиться ясней, скажу, что Государя не боялись. А власть, в особенности Верховная, должна внушать это чувство. Надо правильно понять этот термин. Мы говорим часто, что «он Бога не боится». Вот этот страх Божий можно сравнить с тем чувством, которое подданные должны испытывать к своему Государю. Император Николай II этого чувства своим подданным не внушал. Очень мягкий, добрый, чрезвычайно деликатный и чуткий, Он казался многим или слабовольным или бесчувственным. Государя часто упрекали в том, что Он, увольняя своих министров, не говорил им об этом, а извещал в письменной форме. Это происходило от особого свойства Государя избегать говорить неприятные вещи, и часто вело к ложному пониманию его характера. Мнение о слабоволии Государя не соответствовало действительности. Несмотря на сопротивление своих родителей, Он настоял на своем браке с принцессой Алисой Гессенской, хотя борьба эта продолжалась несколько лет.

По натуре очень скромный Государь не любил пышных торжеств и этикета и любил семейную обстановку и спокойный уклад жизни. Уже с молодых лет Он владел собой настолько, что казался, как уже было сказано раньше, бесчувственным.

В первые годы царствования Государя большим влиянием на него пользовался обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев. Известный юрист, профессор гражданского права, Победоносцев был ярым противником парламентского строя. В своем «Московском Сборнике 1896 г.» он пишет следующее: «Парламентское правление – великая ложь нашего времени. История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения избирателей».

«Вместо неограниченной власти монарха мы получали неограниченную власть парламента, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством… Такое состояние неотразимо ведет к анархии, от которой общество спасается одной лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении».

Как уже было сказано раньше, Император Александр III за короткое свое царствование внес успокоение в стране. Как только на престоле появился Император Николай II, сразу начались какие-то разговоры на тему «увенчания здания», печатали статьи, как будто при-

ветственные по адресу молодого монарха, а вместе с тем зондировали почву по тому же самому поводу. Ведь наша интеллигенция (включая объединенное дворянство и земство) считала преимущества западных государственных форм совершенно бесспорными и очевидными. Выступая и на земских собраниях, и повсюду, говорили на эту же тему. Государя как бы вызывали дать ответ на все эти по существу конституционные пожелания. Молодой монарх честно ответил, не желая вводить кого бы то ни было в заблуждение: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель».

Сразу после этой речи интеллигенция начала свою революционную агитацию в тех или иных формах.

На кого же молодой Царь мог опереться? Бюрократия и на этот раз не дала сомкнуться силам, верным Престолу. «Передовая» общественность сразу увидела, что Государь, не обладая той непреклонной волей, какая была у его отца, является тем лицом, которое должно было, по их убеждению, уступить так или иначе их пожеланиям.

То время не могло создать подлинно патриотического движения, движения широких масс, на которое мог бы опереться Монарх. Идея Народной Монархии была тогда незнакома, за исключением единичных случаев, русской общественности. А как плодотворно могла бы развиться общественная жизнь, если бы эта идея проникла в сознание людей того времени! Проводя нужные реформы, превращая постепенно сословный характер Российской Империи в бессословное государство, уничтожая привилегии высших слоев общества и заменяя бюрократию молодыми талантливыми силами, Русская Православная Монархия была бы сильнейшим государством и никакие враги ей не были бы страшны.

И все же наши Государи шли по этой дороге. Уже реформы Александра II изменили значительно социальный облик России. Дворянство как сословие беднело с каждым годом. Крестьянству же, наоборот, уже к 1900 году принадлежало 160 миллионов десятин земли – более чем на три четверти удобной; дворяне имели 52 миллиона (около половины – леса и неудобные земли); а всем другим владельцам (купцам, иностранцам, городам, акционерным компаниям и т. д.) – около 30 миллионов (преимущественно удобных земель) *(Ольденбург С. «Царствование Императора Николая II»)*. Но крестьянская «община», как раковая опухоль на теле государства, тормозила все преобразования, которые исходили от Верховной Власти. Ее (общину) берегли, как левые так и правые круги по разным, конечно, причинам. Правые считали общину одним из устоев государства, левые рассматривали общину, как практическое приложение социалистических принципов в русской деревне. Весь вред общины заключался в том, что земля считалась принадлежащей «миру», который мог перераспределять ее между своими членами и устанавливать правила и порядок обработки земель. Общинное землепользование тормозило деятельность хозяйственных крестьян, оно способствовало уравнению, но препятствовало повышению общего благосостояния деревни. Кроме того, крестьянин, желавший выхода из общины, должен был получить согласие двух третей ее членов. И только правильно подошел к этой проблеме Столыпин, который появился на политической арене уже после 1905 года.

Государь много сделал для улучшения быта рабочих. При нем рабочий день с 13 ч. в день был сведен к $11^1/_2$ и 10 ч. в субботы и предпраздничные дни. (В Европе в то время рабочий день равнялся 12 ч.) Много сделал в области просвещения. Я не буду приводить сейчас статистические данные, имеющиеся в моем распоряжении, так как это отвлекло бы от основной темы. Приведу только цитаты И. Солоневича по этому поводу. Они интересны для объяснения того факта, что все меры, исходившие от власти, принимались «“в

штыки” русской общественностью, не только крайне левой и либеральной, но и сравнительно умеренной». Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя – строя, который «самодержавие» медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовала предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был отсталым строем. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархии, как и генералы, «бывают разные». В России до 1905 года существовала монархия, «ограниченная цареубийством» и сдавленная пережитками крепостничества. Государь Император Николай II был несомненно лично выдающимся человеком, но «самодержавным» Он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограниченными – несмотря на Его «неограниченную» власть. И если при Императоре Николае I Россией правили «сто тысяч столоначальников», то при Императоре Николае II их было триста тысяч. Правили нацией по существу они. По существу, страна боролась против них. Но против них же, правда, в других формах, боролось и «самодержавие». Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны. Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Нация, исключительно талантливая, энергичная и боеспособная, начала искать виновников. Ген. Куропаткин был результатом данного социального строя. Устарелый правящий слой страны не годился никуда. Из установления этого – совершенно бесспорного факта, был сделан, по меньшей мере, спорный вывод: «долой самодержавие». Спорный потому, что «самодержавие» не связано ни со слоем, ни со строем: монархия может быть и крепостническая и социалистическая, а «самодержавие» в старой Москве означало – в переводе на нынешний язык – национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге 18-го века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в 19-м столетии оно обозначало центральную единоличную власть, «ограниченную цареубийством и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти» *(«Великая фальшивка февраля»)*.

Государь находился в чрезвычайно тяжелом положении. Он, конечно, понимал, что России нужны реформы почти во всех областях государства, и как умный и образованный человек, а главное, как человек кристальной честности. Он самоотверженно был предан исполнению того, что почитал своим царским делом. Среди министров Государя, за все Его царствование, были люди и умные, и исполнявшие свой долг в отношении Монарха и страны. Имена Сипягина, П. Дурново и в особенности П.А. Столыпина говорят сами за себя. Меня могут спросить, а где же Витте, Коковцев, Кривошеий и др.? О всех этих сановниках я скажу в другом месте, упомяну только вскользь, что моральный облик одних и некоторые «высказывания» других не позволяют отнести их к той же категории, как вышеупомянутых лиц. Еще до Японской войны и событий 1905 года почти вся наша интеллигенция была охвачена болезненным состоянием опорочивания всего, что исходило от власти, критического отношения ко всем мероприятиям правительства из принципа. И каждый, кто осмеливался не разделять этих взглядов, заносился на «черную доску». Писатели, художники, журналисты, профессора, земцы все проходили через эту «общественную цензуру».

Крайние течения в лице таких организаций, как «Союз Борьбы за Освобождение рабочего класса», «Бунд» и др., вели усиленную пропаганду среди рабочих. Будучи непримиримыми противниками существующего строя, они всякое недовольство стремились использовать в своих целях – устройства революции. Вызывая демонстрации, устраивая забастовки, они толкали рабочих на предъявление все более высоких требований. Они заражали атмо-

сферу ненавистью и озлоблением невиданных до этих пор размеров. Наряду с рабочими кругами социалисты уделяли большое внимание студентам. Ведя пропаганду в студенческих «землячествах», они пользовались любым случаем, чтобы дискредитировать, очернить Верховную Власть. Ходынская катастрофа, торжественный прием Государя во Франции – все было использовано для вызова волнений, запрещенных сходок, демонстраций, бойкота неугодных им профессоров и прочее. «В пассивном сочувствии значительного большинства русского образованного общества была главная сила студенческих волнений», – пишет С. Ольденбург *(«Царствование Имп. Николая II)*.

Да, «либеральная» и даже «умеренная» интеллигенция своим сочувствием толкали социалистов всех толков на все более радикальные эксцессы. Кстати, о «толках» социализма. Марксизм приобретал все больше сторонников и не только в специфических кругах политиканов, но и в интеллектуальных кругах общественности. Целый ряд профессоров, как юристов, так и экономистов, признавали марксизм научной категорией, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заграницей было основано общество «Освобождение», которое под эгидой вот этих господ начали ту отвратительную работу «изобличения» власти, которая к превеликой радости извечных врагов России свелась к обливанию грязью всех начинаний нашей Верховной Власти. Правда, значительно позже, уже в эмиграции, эти люди «раскаялись». Из бывших марксистов мы знаем людей, которые стали впоследствии профессорами Богословия и даже священниками. Но странное дело, уже «раскаявшись», они продолжали писать странные вещи в философии под именем русской идеи, приписывать свои собственные шатания и отсутствие стойких взглядов всему русскому народу, в Богословии явно еретические измышления возводить чуть ли не в догматы, в периодической печати под видом «правых» вводить неискушенных читателей в заблуждение. И это уже здесь, в эмиграции, после всего того, что произошло!

Когда я стал интересоваться событиями русской катастрофы, я между другими занятиями стал усердно штудировать марксизм. Я дал себе труд проштудировать все труды К. Маркса, Энгельса, кроме них Лассаля, Фейербаха и др. После них принялся за Плеханова, Ленина и даже Сталина. Я старался понять, почему люди с подлинным интеллектом и большой эрудицией становились марксистами, я старался найти этот магнит, который притягивал к себе всех этих людей, я старался понять и осознать «научность» этого учения. Читал все в подлинниках, чтобы избежать возможных неточностей в переводах, перечитал всех комментаторов марксизма и за, и против.

Чем больше я углублялся в изучение марксизма, тем больше я приходил к убеждению, что человек с неповрежденным сознанием, человек с твердым убеждением и верой в силу нравственных категорий не может быть последователем этого учения, не может признать «научности» и диалектического, и исторического материализма. Во всех выводах Маркса видна предвзятость, преднамеренность и стремление загнать настоящую действительность в свои искусственные формулировки. О русских марксистах я и не говорю. Еще Плеханов пишет так, как полагается образованному человеку, если не считать, конечно, всей предвзятости его произведений. Но уже Ленин, этот «гуманист» (как легко теперь черное называть белым!), пишет так, что человек, который разбирается в философии и социологии, видит сразу, что все «научные» высказывания «Ильича» рассчитаны на людей несведущих или приемлющих его положения по причине, ничего общего с наукой не имеющей. Человек без законченного образования, прочитавший только то, что нужно было для демагогии, рассчитанной на полуинтеллигенцию (самый опасный слой общества!), считается одним из «гениальных» творцов «гуманитарной и прогрессивной» социологии! А язык! Все эти «помещичьи сынки», «поповщина» – это же перлы непревзойденной пошлости, убогости мышления и отсутствия подлинного интеллекта! Зато сколько злобы, ненависти и беспредельной лжи! В этом он, конечно, гениален.

О «Вопросах ленинизма» и прочих писаниях Сталина я говорить не буду – все это рассчитано на несчастных людей, которые должны это «принимать всерьез». Без принуждения «изучать» эту макулатуру можно только в моем случае, когда я заставил себя все это прочесть, чтобы изучить совсем другой вопрос. И все же я до сих пор не могу понять, как все это можно принимать всерьез?! Точно так же, как не могу понять людей, которые всерьез изучают «розовые» и «голубые» периоды в «творчестве» Пикассо. А ведь изучают! И выпускают многотомные труды этих исследований.

Я отклонился от темы, желая показать, как увлекалась русская интеллигенция этими нерусскими учениями, забывая свои русские, подлинные духовные ценности, забывая свои подлинные обязанности русских людей, изменяя инстинкту того исторического сознания, которое тысячу лет строило русскую государственность. Но этому сознанию не изменял никогда и не изменил до конца Император Николай II.

Глава III

Основы Самодержавия. Чин коронования

В предыдущей главе мы говорили о том, что Государь до самой своей мученической смерти остался верен принципам Православного Самодержавия. Сейчас я приведу выдержки из «Царской Власти» М. Зызыкина, который описывает Священное коронование и Миропомазание Императора и которые являются основой того мировоззрения, которому Государь был всегда верен.

Уже в статье 1-й говорится, что власти самодержавного монарха повиноваться не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает, потому что подвиг его самодовлеющей власти освящен Церковью. Священное коронование производится, согласно статье 57 Основных Законов, по чину, установленному Православной Церковью. Этот чин заимствован из Византийской Церкви. Статья 58 упоминает, что перед Священным Коронованием Царь читает исповедание православной веры. Без Священного Коронования и Миропомазания Царская власть теряет свою основу и свой смысл, так как без них нет Царской власти как священного чина, а только простая человеческая власть, ничем не отличающаяся от всякой другой человеческой власти.

Вот что описывает М. Зызыкин: «Священное коронование начинается молебном св. Петру Митрополиту Московскому, как виновнику объединения Руси во главе с Москвой, и св. Сергию Радонежскому, как освободителю от ига неверных. Перед поступлением к коронованию, когда Государь всходит на трон, венчающий иерарх становится перед Государем и вопрошает: “Богочестивейший Великий Государь Наш, Император и Самодержец Всероссийский! Понеже благословением Божиим и действием Св. и Всеосвящающего Духа и Вашим изволением имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Вашего Величества коронование и от св. мира помазание; того ради по обычаю древних христианских монархов и Боговенчанных Ваших предков, да соблаговолит Величество Ваше вслух верных подданных ваших исповедать православную кафолическую веру. Како веруеши?”

По прочтении Государем исповедания веры венчающий иерарх возглашает: “Благодать Пресвятого Духа да будет с Тобой” и начинает молебен с особыми прошениями в возглашаемой диаконом ектений: “О еже благословитися Царскому Его венчанию благословением Царя Царствующих и Господа Господствующих” и т. д. После чтения Евангелия на Императора венчающий иерарх возлагает порфиру со словами: “Во Имя Отца и Сына и Святого Духа”, крестит преклоненную голову Государя, возлагает на нее крестообразно руки и читает молитву: “Господи Боже наш, Царю царствующих и Господи господствующих” и т. д. Затем по возгласу диакона все преклоняют голову и венчающий иерарх читает другую молитву: “Тебе единому царю человеков подклонивыю с нами, Благочестивейший Государь, Ему же земное царство от Тебе вверено: и молимся Тебе, Владыко всех, сохрани Его под кровом Твоим, укрепи Его царство, благоугодная Тебе деяти всегда Его удостой, воссияй во днех Его правду и множество мира, да в тихости Его кроткое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и честности. Ты бо еси Царь мира и Спас душ и телес наших, и Тебе Славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков”. Венчающий иерарх принимает корону и передает ее Императору, которой сам ее надевает. После этого читается молитва: “Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение, явный образ есть яко Тебя, Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением своим благостным утверждая Тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими”. Затем Государю вручают в правую руку скипетр, а в левую жезл. После коленопреклоненной молитвы Государя, Он становится перед троном, а венчающий иерарх и все при-

сутствующие опускаются на колени и иерарх от лица народа читает молитву: “Боже великий и дивный, неисповедимою благостью и богатым промыслом управляли всяческая, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами…” Затем после приветственной речи иерарха, начинается литургия, в течение которой Император сидит на троне в полном облачении, в известные моменты литургии вставая и снимая корону. Перед причащением два архиерея подходят к Государю и один из них возглашает: «Благочестивейший Великий Государь Наш Император и Самодержавец Всероссийский, Вашего Императорского Величества Миропомазания и Святых Божественных Тайн приобщения приближися время: того ради да благоволит Ваше Императорское Величество сея Великия Соборныя Церкви к Царским вратам”. Там у алтаря совершается миропомазание на челе, на очах, ноздрях, устах, ушах, персях и руках с известным сакральным возгласом. Один из митрополитов затем вводит Императора внутрь алтаря для причащения Святых Христовых Тайн по Чину Царскому, т. е. как и священнослужители. После Литургии Царь поклоняется праху предков в Архангельском соборе. В молитве своей во время св. коронования за народ Царь внутренно соединяется с народом. В этом священнодействии заложена не идея личного блага, а идея веры в то, что только благодатной силой свыше может строиться царство. Царь для народа – помазанник Божий». *(М. Зызыкин «Царская Власть и закон о престолонаследии в России»).*

Сколько красоты и глубокого смысла в этом обряде! Какая благодатная идея заложена в нашем Русском самодержавии! Невежды называют Самодержавие абсолютной монархией. Это не соответствует действительности. Монархия может быть: абсолютной, самодержавной, деспотией и конституционной.

В первом случае неограниченная власть монарха не признает для себя никаких высших обязательных начал и, сливая себя с государством, приписывает ему и себе всемогущество (L’etat – c’est moi).

Во втором, монархическое начало есть выражение того нравственного начала православия – смирения перед промыслом Божиим, указующим носителя власти и подвига, которому народное миросозерцание усвояет значение верховного принципа жизни.

В третьем – рабская покорность без ясного представления о нравственном идеале.

И, наконец, в четвертом, власть монарха является номинальной: он является только представителем нации, подлинная же власть принадлежит парламенту, который в лице правительства, составленного из случайного большинства, правит страной. Излишне говорить, что это большинство может быть и национал-социалистическим (что имело место в Германии) и коммунистическим. Какие из этого получаются последствия, мы все хорошо знаем.

Пишу я подробно об этом потому, что надо выяснить, почему эти высокие принципы Государственной власти в России в конце 19-го и начала 20-го века были в таком пренебрежении среди русской общественности. Мы знаем, что основой Верховной Власти в России было религиозное сознание народа. Что же произошло с этим религиозным сознанием народа в это время? В этом вопросе нам поможет разобраться Архимандрит Константин в своей «Памяти последнего Царя». Профессор Киевской духовной академии В. Певницкий в своей статье «Об отношении к Церкви нашего образованного общества» пишет: «Издревле Русь называлась святой Русью, и охранение чистоты и целости православия она считала своим призванием. А что ныне? Может ли Русь по-прежнему называться святою Русью? Не потускнело ли это светлое титло, которым прежде украшалось наше отечество? Если бы восстали из гробов наши благочестивые предки и посмотрели бы на нынешнее шатание умов, на современное непочтительное отношение к Церкви и ее уставам нашего образованного передового общества, они удивились бы изменению наших нравов, и чувства их терзались бы от глубокой скорби при виде оскудения в нас духа благочестия…

Представьте себе святую православную веру, хранимую в Церкви, посланницею небес. Она – вера откровенная; она свыше, от разума Божественного ниспослана нам, и ей, этой

небесной посланнице, поручено освещать наше темное сознание и указывать нам путь спасения. Где же среди нас обиталище ее, и где ее принимают? Принимают ее люди простые, держащиеся руководства Церкви. Но нет ей благоприятного приема там, где, по-видимому, должен быть особенно слышен и понятен голос ее. Она хотела бы занять и утвердить себе место среди руководителей общественного мнения, заправляющих печатным словом. Но многие ли здесь принимают ее и признают своей руководительницей? Едва ли не большинство сторонится от нее и ищет себе других руководителей, чуждых и даже прямо враждебных ей. Если и слышен инде голос ревнителей и чтителей веры, то он совершенно заглушается шумными голосами людей, знать не хотящих указаний веры и нередко подвергающих глумлению суждения, на ней основанные. Читайте и перелистывайте наши светские газеты и журналы: чувствуется ли в них такой тон, чтобы вы могли сказать, что это говорят люди, воспитанные в православии? Редко, весьма редко». После целого ряда цитат Архимандрит Константин пишет: «Достаточно на этом, бегло нами обрисованном, фоне представить себе облик нашего последнего Царя, чтобы реально ощутить ту непроходимую пропасть, которая лежала между Государем Императором Николаем Александровичем и русской общественной средой.

Отчужденное одиночество – вот на что был обречен этот истинный и истовый православный христианин на Престоле Православного Царя. Теми именно свойствами своими, которые делали из него идеального Русского Царя, он становился загадочным и непонятным “лучшим” людям своей Земли! Вот корень национально-общественной трагедии всего Его царствования, вот корень катастрофы, которая вырастала из этой трагедии» *(Архимандрит Константин «Памяти последнего Царя»).*

Глава IV

Японская война. Витте. Заключение мира. Революция 1905 г. Манифест 17 октября. Государственная Дума

Говоря об Императоре Николае II нельзя обойти молчанием Его почин в деле создания международной политической системы, которая если и не исключала бы войн, то ограничила бы рост вооружений. Но обращение Государя к великим державам успеха не имело. Вильгельм II, например, заявил, что «в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч». В менее резкой форме так же высказались и государственные деятели других стран. И все же Гаагская конференция 1899 года сыграла свою роль в мировой истории. С. Ольденбург пишет: «Когда собралась 9 ноября 1921 года Вашингтонская конференция по вопросу о морских вооружениях, североамериканский президент Гардинг в своей вступительной речи вспомнил, кому принадлежал первый почин в этом деле. Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами – не ново, сказал американский президент. При этом случае быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского». И процитировав почти целиком «ясные и выразительные» слова русской ноты 12 августа, президент Гардинг добавил: «С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой» *(С. Ольденбург «Царствование Имп. Ник. II»)*.

Значительным событием в царствование Императора Николая II была война с Японией и последовавшие после нее революционные события. Война эта была неизбежной. С самого почти начала своего царствования Государь уделял особое внимание вопросам Дальнего Востока, или так называемой большой азиатской программе. Государь понимал, что такая Великая Держава, как Российская Империя, не может быть запертой на континенте и не иметь выхода к Тихому океану. И Государь сделал все возможное (это «безвольный» и «бесхарактерный-то» человек!), чтобы добиться своей цели – выхода к океану. Но, как всегда, русское общество и здесь оказалось не на высоте.

Ольденбург пишет: «Примечательно и трагично – что “большая азиатская программа”, оцененная по достоинству иностранной дипломатией, встречала полное непонимание в русском обществе, которое что-то лепетало о “маньчжурской авантюре” и готово было искать причины русской политики на Д. Востоке, единой в течение всего первого периода царствования Государя, в материальной заинтересованности каких-то “царских адъютантов”… в лесных концессиях на территории Кореи. Это поняли задним числом и представители русского “марксизма”… “Нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд буржуазных радикалов, сводивших все дело к концессионной авантюре на Ялу”, – пишет коммунистический “Красный Архив” (№ 52) и повторяет в другом месте: “Концепция об авантюризме различных придворных клик является не только недостаточной, но и убогой». *(С. Ольденбург «Царствование Имп. Николая II»)*. И, конечно, Япония была главным препятствием на этом пути русского продвижения. Но Государь не хотел столкновения до того времени, когда будет закончен Великий Сибирский путь. Понимала это и Япония, которую всячески поддерживала Англия, и без объявления войны (обычная тактика Японии) она начала военные действия против России.

Военные неудачи вызвали кампанию против власти под флагом критики ведения войны.

Враги власти, пользуясь общим настроением недовольства, преувеличивали недочеты, извращали факты. А в Париже произошла в это время первая встреча «конституционалистов» с революционными партиями. С одной стороны кн. П. Долгоруков, П. Милюков, П. Струве и с другой стороны Чернов, Натансон и… Азеф. Какое трогательное единение! Впрочем, удивляться нечему, как мы увидим позже, масонство объединяло и не только этих лиц. На совещании вынесли резолюции об «уничтожении самодержавия» и об его замене «свободным демократическим строем», а также о «праве национального самоопределения» народностей, населяющих Россию. Здесь налицо все элементы государственной измены: и ниспровержение существующего строя, и раздел России, т. е. все то, чего так страстно добивались интернациональные силы. Пусть не удивляет на этом совещании присутствие Рюриковича – позже мы увидим, как участвовали в гибели нашей Родины члены Династии.

С. Ольденбург пишет: «Внутренние волнения в России были необходимы Японии, как воздух. Несомненно, она дорого дала бы, чтобы их вызвать. Имела ли она возможность это сделать и в какой мере она это делала? Следует различать два понятия: неверно было бы утверждать, что революцию делали за иностранные деньги. Люди, отдававшие все свои силы делу революции, готовые отдать за нее и жизнь, делали это не ради получения денег от кого бы то ни было. Но в известной мере революция делалась на иностранные деньги: внутренние враги русской власти не отказывались от помощи ее внешних врагов. Об одном факте такого рода, относящемся к зиме 1904/05 г., открыто пишет в своих воспоминаниях руководитель боевой организации (генерал БО – Р. Гуль) с. р. Б. Савинков («Былое», 1917 г., № 3) “Член финской партии активного сопротивления, Конни Циллиакус, сообщил центральному комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа, и распределены были между всеми революционными партиями. Ц.К. принял эту сумму, вычтя 100.000 фр. на боевую организацию”. (В «Новом Времени» – писал далее Савинков – весною 1906 г. утверждали, что это пожертвование сделано не американцами, а Японским правительством, но нет оснований сомневаться в словах Конни Циллиакуса…) Английский журналист Дилон, – определенный враг царской власти, – написал в своей книге “Закат России”: “Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков, и на это были затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это бесспорный факт». “О том же свидетельствует в своих мемуарах б. русский посланник в Токио, барон Р. Розен» *(С. Ольденбург «Царствов. Имп. Ник. II.»)*.

Так много описываемое «кровавое» 9-е января было спровоцировано Гапоном, который под влиянием Рутенберга (который позже его и «казнил») и других вожаков социалистов, повел тысячные толпы забастовавших рабочих ко дворцу с заведомо невыполнимыми требованиями. Власть не могла допустить этой провокации, и в результате были убитые и раненые. Это было как бы началом революции. Волнения возрастали, и дворянские собрания и земцы вели себя вызывающе, забыв, что страна ведет тяжелую войну с внешним врагом. В общем это была генеральная репетиция Февральской революции 1917 года, благополучно все же закончившаяся, не в пример 1917 году, когда не оказалось таких людей в армии, как Мин и Дубасов, и в управлении такого человека, как П.Н. Дурново. Вместо этих преданных Государю и Родине людей, в «армии на верхах была дыра» (по красочному выражению И. Солоневича), а в управлении и при Дворе то, что написал А. Суворин в своем дневнике: «У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд» *(«Дневник»)*.

Все военные неудачи на море и суше, как взятие Порт-Артура, Цусимская катастрофа, поражение при Мукдене, русское общество принимало с почти нескрываемым злорадством. Для Государя на первом плане было доведение до успешного конца исторической борьбы, для общества – борьба против власти во имя коренных преобразований всего строя. Поли-

тическое возбуждение охватило самые разнообразные круги. Это было всеобщим помрачением. Был образован Союз Союзов, в который входил целый ряд свободных профессий. Одним из руководителей его был проф. П. Милюков. В земстве одержало победу левое крыло, которое тоже требовало конституции. В это время по почину Вильгельма II, который вызвал американского посла и просил передать президенту Рузвельту предложить России свое посредничество, Государь согласился на переговоры, но только при условии, что и Япония предварительно согласится на эти переговоры. Государь ни в коем случае не желал, чтобы создалось представление, что Россия просит мира. В это время только Государь (как, впрочем, всегда) думал о чести России. Япония сейчас же согласилась, так как она достигла предела своих сил, в то время как Россия заметно оправлялась от нанесенных ей поражений. Но беспорядки продолжались как в центральной России, так и в царстве Польском и перекинулись во флот (броненосец «Потемкин»). За это время произошел целый ряд политических убийств: Вел. кн. Сергия Александровича (московск. ген-губерн.), В.К. Плеве, министра внутренних дел (оба еще до событий) и гр. Шувалова, московск. градоначальн. Государь и здесь заявил: «революционные проявления дольше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы».

Подготовка к мирным переговорам между тем шла полным ходом, и русским уполномоченным был назначен бывший всесильный министр финансов СЮ. Витте. После описания мирных переговоров и назначения его первым председателем Совета министров уже после манифеста 17-го октября мы коснемся более подробно этой «зловещей фигуры». Между прочим, уже проезжая через Берлин, Витте виделся со своим другом, банкиром Мендельсоном, и говорил ему, что России, конечно, придется отдать Японии Сахалин и заплатить большую контрибуцию. Опасаясь сопротивления со стороны Государя, он просил устроить так, чтобы германский император повлиял на Него в сторону уступок *(С. Ольденбург «Царств. Имп. Ник. II»)*. Еще раньше в беседе с германским канцлером Бюловым Витте говорил: «как политик, я боюсь быстрых и блестящих русских успехов; они бы сделали руководящие с. – петербургские круги слишком заносчивыми… России следует еще испытать несколько военных неудач». Это было сказано в начале июля 1904 года. В то же время Государь на телеграммы, присылаемые группами русских людей с просьбой не заключать мира, недостойного чести России, отвечал: «Русские люди могут положиться на меня. Я никогда не заключу позорного или недостойного Великой России мира» *(С. Ольденбург)*. Зато заграничное «Освобождение», сыгравшее позорнейшую роль с самого начала своей деятельности, все время твердило об уступках Японии. Земский съезд, собравшийся в Москве, устами Петрункевича заявил, что «…революция – факт. Идти с петициями надо не к Царю, а к народу». Государь увидел, что земские круги также заражены этим помрачением, каким была больна почти вся русская общественность.

Между тем начались совещания по поводу проекта Государственной Думы, о которой Государь говорил еще раньше, 6 июня, заявив, что «Моя Воля – воля Царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам» *(С. Ольденбург)*. Этот проект совещательного народного представительства получил прозвание «Булыгинской Думы».

На Портсмутской конференции, которая открылась 27 июля, японцы предъявили свои условия. Они были в некоторых пунктах неприемлемы для Государя. Он заявил, что ни о контрибуции, ни об уступках территории не может быть речи. Витте настаивал на уступках. В конце концов Государь согласился отдать южную часть Сахалина с обязательством не возводить на острове укреплений и, конечно, отказался окончательно от выплаты какой-либо контрибуции. И Рузвельт, и Вильгельм, и Витте были уверены в отказе Японии на эти условия. Япония согласилась на все предложения Государя. «Присутствующие, – и в том числе

сам Витте, – были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно возвратить половину захваченного ими острова! Витте весьма быстро освоился с положением и уже в беседе с журналистами умело приписывал себе всю заслугу этого успеха» *(С. Ольденбург)*.

Но несмотря на окончание войны, после короткого перерыва начались опять волнения. На этот раз впервые была использована всеобщая забастовка. Забастовали железнодорожники почти всех дорог. Они прекращали работу, повинуясь своему руководящему центру, не предъявляя никаких требований. Уже через несколько дней была объявлена всеобщая забастовка, так что Москва была отрезана от внешнего мира. Затем железнодорожники явились к Витте и предъявили ему требования бастующих, которые сводились к Учредительному собранию, отмене военного положения и свободе стачек, союзов и собраний, а также 8-часовому дню на железных дорогах. После этого Витте, при помощи Гурлянда, подал программную записку Государю. В этой записке он предлагал отмену всех исключительных положений, введение «свобод», конституцию, расширение избирательного права, автономию Польши и Грузии и… экспроприацию частной земельной собственности. Он также добавил, что есть и другой исход – «идти против течения», но сам он участвовать в этом не будет.

В это время бастующие начали устраивать уличные демонстрации. Происходили вооруженные столкновения толпы с войсками. Государь послал Витте телеграмму: «Поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно». Трепову (петербургскому генерал-губернатору) поручил поддержание внешнего порядка. Витте, до принятия назначения, настаивал на принятии его программы. Государь колебался, и тут появилась роковая для судеб России фигура Вел. кн. Николая Николаевича, который всецело и решительно встал на сторону Витте. В Петербурге появился совет рабочих депутатов. 17 окт. они выпустили «Известия Совета Рабочих Депутатов». Государь в это время совещался с И. Горемыкиным, который составил манифест, где, хотя и не было противоположностей к проекту Витте, были выражения «даруемые Нами ныне населению государства Нашего права народного представительства». После подписания манифеста Государь записал: «Это страшное решение, которое я принял тем не менее совершенно сознательно. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усмири Россию».

Манифест 17-го октября начинался так: «Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства омуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли: 1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей. Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь

прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Но Государь не слагал, как это многие думали, с себя ответственности: Он сохранял за собой право последнего решения. Он оставил в своем ведении военное, морское и иностранных дел министерства. Но Витте он предоставил министров и широкие полномочия.

Манифест вызвал двоякие чувства – у революционных партий продолжать борьбу с еще большим ожесточением, у широких масс чувство радости, что пришел конец забастовкам и смуте. Появились демонстрации и с национальными и красными флагами, и дело доходило часто до драки. По всей России прокатились беспорядки, спровоцированные левыми кругами, а навстречу им антиреволюционные демонстрации как стихийное народное движение. Но кто оказался полным банкротом, это Витте. На него возлагалось столько надежд, Государь оказал ему полное доверие, поручив сформировать первое правительство реформированного строя. Но он оказался совсем не сильным человеком, каким представлялся очень многим, он принимал земские делегации, которые уже настаивали на Учредительном Собрании, амнистии, удалении войск, организации народной милиции и прочих атрибутах подлинной революции. Государь писал в своем дневнике: «Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение». Государь сам назначил управляющим министерством внутренних дел П.Н. Дурново. В это время Совет рабочих депутатов почувствовал себя «начальством» и безнаказанно печатал свои «Известия». Появились новые газеты и журналы, где писали «корифеи», как Горький, Белый, и даже столь любимый нашими интеллектуалами Бальмонт писал: «Рабочий, только на тебя – Надежда всей России».

После введения военного положения в Польше, где происходили крупные беспорядки, левые партии ответили опять всеобщей забастовкой. Как же реагировал на это Витте? Он выпустил воззвание. Ольденбуг приводит текст этого воззвания: «Братцы рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Дайте время, все возложенное для вас будет сделано. Послушайте человека, к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте».

«Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят… Совет Рабочих Депутатов не нуждается в расположении царских временщиков, – отвечал на это петербургский совет» *(С. Ольденбург)*.

Государь писал Своей Матери: «…Ты мне пишешь, милая мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение… Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего… Между тем, действия кабинета Витте создают “странное впечатление какой-то боязни и нерешительности”». А Крыжановский, ставший впоследствии статс-секретарем, а в то время получивший поручения от Витте пишет: «В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить, и никакого определенного плана действий. Вообще вся его личность производила впечатление, не вязавшееся с его репутацией. Может быть в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля» *(С. Крыжановский «Воспоминания»)*.

Беспорядки продолжались; кроме военных бунтов в Севастополе (Шмидт), Кронштадте, начались «аграрные» беспорядки. Террористы убивали всех энергичных представителей власти для «торжества революции». В Москве опять начались железнодорожные забастовки и вожаки революции добивались перехода войск на сторону революции. По всему городу строили баррикады, и началась по существу «партизанская» война – подстреливали городовых, проходящих офицеров. Тогда новый Московский генерал-губернатор

адмирал Дубасов обратился к Государю. Государь отправил в Москву Семеновский полк. Благодаря энергии Дубасова и ген. Мина попытка вооруженного восстания в Москве была сломлена. Ген. Меллер-Закомельский с отрядом только из двухсот человек навел порядок на протяжении всего Великого Сибирского Пути, где растерявшиеся и потерявшие голову Куропаткин и Линевич совершенно выпустили из рук командование. Эвакуация запасных проходила в атмосфере полного отсутствия дисциплины. Отряд Меллер-Закомельского расстрелял на двух станциях стачечные комитеты, повыгонял распоясавшихся солдат, рассевшихся в офицерских купе, и обстрелял революционную толпу, запершуюся в ж. д. депо. Ген. Ренненкампф в свою очередь без боя взял Читу, где красные бесчинствовали около трех месяцев. Революция была подавлена. Что же делал прославленный Витте? Государь писал Своей Матери: «Теперь Витте хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона. Благодаря этому свойству своего характера, почти никто ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех… Дурново действует прекрасно… Остальные министры – люди sans imprortance!» Между прочим, принимая депутацию Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии, Государь сказал: «Передайте всем, что реформы, Мною возвещенные 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мной даны одинаково всему населению, неотъемлемы, Самодержавие же Мое останется таким, как оно было встарь» *(С. Ольденбург)*.

В это время образовалась партия к. д. (Конституционные демократы). Она была образована из Союза Освобождения, земцев-конституционалистов и Союза Союзов. Когда происходили выборы в I Государственную Думу, большинство голосов получили кадеты. Это было большим разочарованием и для власти и для правых и умеренных партий. В Царском Селе происходило обсуждение проекта основных законов. Спорным вопросом была 4-я статья: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Раньше в тексте было «самодержавная и неограниченная». Но каждое слово имеет свой смысл, и тот факт, что в новом тексте слово «самодержавная» осталось, говорит за то, что Государь остался Самодержцем.

Вскоре был уволен Витте. С ним ушел и весь кабинет (вернее, тоже уволен), так как Государь хотел, чтобы с Думой работал бы новый состав правительства. О Витте Государь опять писал Своей Матери: «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела! Довольно с меня прошлогоднего опыта» (2.XI.1906). Теперь несколько слов о Витте: безусловно умный и талантливый человек, он, еще будучи министром финансов и проведя несколько, казалось, полезных реформ (золотое обращение, развитие промышленности), в то же самое время поставил впервые в истории России развитие наших финансов в зависимость от иностранного капитала, биржи; защищая развитие промышленности, он отказывал в финансовой помощи, нужной для нашего сельского хозяйства, в своем трактате о «Самодержавии и земстве», доказывая несовместимость выборного местного самоуправления с самодержавным строем, он давал сильный довод в руки оппозиционным кругам, совершив в 1902 г. поездку на Д. Восток, он заявлял, что русское дело там проиграно, и советовал крайние уступки, будучи уполномоченным Государя на Портсмутской конференции, он держал себя так, что можно было думать, что он представитель Японии, и, наконец, став главой правительства в тяжелый момент русской смуты, он или не сделал ничего для ее подавления, или своим двусмысленным поведением поощрял революционные выступления. Мнение Государя о нем мы знаем. В своих воспоминаниях Витте говорит о Государе с нескрываемой злобой, называя его «маленьким полковником». Спрашивается, почему Витте почти за всю свою долголетнюю государственную деятельность проводил такую двойственную политику? И сейчас же напрашивается другой вопрос. Был ли он свободен в своей деятельности? Не был ли он связан чем-то, что шло вразрез с интересами России?

Позже мы увидим, что и другие сановники поступали не в интересах России, а кого-то или чего-то другого. И думается, что это не случайность, а принадлежность к тому сообществу, которое веками ниспровергало через своих членов и государственные и моральные устои человечества. Когда придет последовательная очередь, будет указано в моем исследовании, как много было этих или беспринципных или одураченных людей во всех слоях русского общества, когда уже разразилась настоящая катастрофа 17-го года и гибель исторической России.

Когда новые Основные законы были опубликованы, Милюков на съезде к. д. провел резолюцию: «Накануне открытия Гос. Думы правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Гос. Думу, средоточие надежд исстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства. Никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ» *(С. Ольденбург)*.

Глава V

I, II и III Государственная Дума. Столыпин

Резолюция Милюкова, которую он провел на съезде к. д. до открытия Гос. Думы, опровергает установившееся мнение, что Гос. Дума только тогда «подняла свой голос в защиту законности», когда во время войны началась «распутиниада», и что «народные» представители вели борьбу с «темными силами». Борьбу против существующего строя в России еще задолго до созыва Гос. Думы вели как «либералы», так и «крайние», и одним из вожаков этой борьбы был Милюков. И Гос. Дума не была для этих людей тем учреждением, которое должно было бы гармонично работать с Государем, а ареной борьбы с большими удобствами, чем раньше. Государь это отлично понимал. С. Крыжановский пишет в своих воспоминаниях: «Государь с явным раздражением отмахнулся от сладких слов Витте, когда тот стал доказывать, что в лице народного представительства Государь и правительство найдут опору и помощь: “Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени”». Хотя Государь и вступил на путь этой реформы, Он оставил за Собой возможность последнего решения, считая, что безответственность конституционного монарха является преступной и противоречит идее ответственности Монарха перед Богом. В Первой Гос. Думе были представлены как интеллигенция, так и крестьянство (часто полуграмотное). Социалисты-революционеры и социал-демократы, бойкотировавшие выборы, не были в числе депутатов. Левее к. д. были «трудовики». Очень многие депутаты, как к. д., так и трудовики, считали, что власть принадлежит только им, не считаясь с существующими законами, а только со своими собственными программами.

На открытии Гос. Думы Государь произнес приветствие, которое начиналось так: «Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России, Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас»…

Выбранный председателем Думы профессор римского права Муромцев дал слово вне всякой очереди Петрункевичу, который в своем слове потребовал амнистии «всем, кто пострадал за свободу». После него говорил Муромцев о «прерогативах конституционного монарха». С самого же начала Дума, в лице своего председателя к. д., показала, что о плодотворной работе она и не думает. И в лице кого же? Профессора Римского права, основы правового сознания юриспруденции. Дальнейшие выступления членов Думы, почти сплошь к. д. – ов, были и бестактны, и преступны по своему содержанию.

Родичев осмелился сказать: «Мы знаем сколько преступлений прикрыто священным именем Монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора» *(С. Ольденбург)*. Дума требовала амнистии, а политические убийства, которые продолжались и после открытия Думы, ею поощрялись. Додумались до адреса Государю, в котором выражались требования, противоречащие основным законам: ответственное перед Думой министерство, принудительное отчуждение земель, упразднение Государственного Совета и амнистия для убийц (политических). Правительство (Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин) ответило, что вопросы, поднятые в адресе, не подлежат компетенции Думы. На это Набоков, тоже юрист, ответил, что «…власть исполнитель-

ная да покорится власти законодательной», что тоже, конечно, противоречило Основным Законам, чего не мог не знать, конечно, Набоков.

Началось опять «шатание умов», террор не прекращался, которому открыто покровительствовала Дума. Эта же Дума приняла проект об отмене смертной казни, поощряя всячески политические убийства. Новый министр внутренних дел П.А. Столыпин написал в «Новом Времени» (1 июля), что «главная позиция, захваченная революцией, это Гос. Дума. С ее неприкосновенных стен, как с высокой крепости, раздаются воистину бесстыжие призывы к разгрому собственности, к разгрому государства, и день ото дня наглее, день ото дня разнузданнее, чаще и чаще поднимаются голоса, угрожающие самой Верховной Власти»… А известный историк С. Платонов писал в том же «Новом Времени» (24 июня), что «нужен роспуск Думы на законном основании; эта мера была бы спасительной». Затем Дума постановила обратиться к населению, заявив, «что от принудительного отчуждения частновладельческих земель Дума не отступит».

Наконец Государь увидел, что работать с этой Думой нельзя, и выпустил манифест о роспуске Думы. Члены Думы выехали в Выборг и там выпустили обращение к народу с призывом не платить налогов, не идти на военную службу.

Правительство не привлекало их к ответственности, а просто игнорировало, и лишь значительно позже составлявшие воззвание были привлечены к суду. Население никак не реагировало на это воззвание «мудрых народных избранников». Таким образом Дума не хотела работать, а продолжать революцию в другой форме.

После роспуска Думы многие правые деятели предлагали Государю упразднить Думу. Но Государь, верный Своему царскому слову, решил, борясь беспощадно с насильственными проявлениями революции, проводить необходимые реформы. Для этой задачи он призвал к возглавлению правительства Петра Аркадьевича Столыпина, который был министром внутренних дел в правительстве И.Л. Горемыкина.

П.А. Столыпин был как раз тем человеком, который мог справиться с той тяжелой задачей, которую поручил ему Государь Император. Энергичный, прекрасный оратор, с большим личным мужеством, бесконечно преданный Государю, убежденный монархист, знакомый с земством и аграрным вопросом, он резко отличался от других представителей власти, чаще всего только плохих или хороших бюрократов. Он был полной противоположностью такому человеку, как Витте. Он хотел привлечь в свое правительство представителей общественности (Гучкова, Н. Львова, Самарина), но условия их не были приемлемы.

По всей стране опять прокатилась волна политических убийств, военных бунтов (Свеаборг, Кронштадт), грабежей банков и почтовых контор. Наконец было совершено покушение на П.А. Столыпина. На его даче были брошены бомбы. При этом погибло значительное число людей и тяжело ранены дети Столыпина. На следующий день террористы убили генерала Мина, который подавил восстание в Москве и предотвратил кровопролитие в Петербурге. Государь был подавлен и покушением на Столыпина и смертью Мина, героически боровшихся с губителями России. Государь предложил Столыпину переехать в Зимний дворец, чтобы предохранить его от новых покушений. П.А. Столыпин продолжал свою деятельность, руководствуясь двумя принципами – уничтожение революции и реформы стране. Столыпин заявил в своем сообщении: «Революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своей обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя».

Столыпин наметил целый ряд реформ, а для подавления революции учреждение военно-полевых судов. Это было совершенно необходимо, так как за год было убито 768 представителей власти, в том числе варшавский генерал-губернатор Вонлярлярский, петербургский градоначальник фон-дер-Лауниц и др.

В своих реформах Столыпин главное внимание обращал на сельское хозяйство и положение в деревне. Указами правительства в это время были отменены все ограничения для крестьян, в отношении государственной и военной службы, в отношении поступления в учебные заведения, в отношении власти сельского схода над отдельными крестьянами. Крестьянский банк выдавал крестьянам ссуды под надельные земли. Этим актом менялся уже характер владения землей, земля признавалась уже личной собственностью крестьян. Но все это было только подготовкой к ликвидации векового зла – общины. Началась эпоха развития и укрепления частной земельной собственности. Указ 9 ноября 1906 года о раскрепощении общины – историческое событие. В этом решении Столыпин получил полную поддержку Государя.

Между тем началась подготовка к выборам во Вторую Думу. В избирательной кампании на этот раз участвовали и крайние левые, т. е. социалисты всех толков. Вторая Дума была Думой крайних-социалистов и крайних правых. Население мало интересовалось новой Думой.

В Думе П.А. Столыпин выступил со своей речью, ставшей известной своей заключительной частью: «Правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства – но иначе оно должно отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли и воли, все они сводятся к двум словам – “руки вверх”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “не запугаете”» *(С. Ольденбург)*.

Затем, говоря о своем любимом детище реформы сельского хозяйства, Столыпин сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» *(С. Ольденбург)*.

Но и Вторая Дума была неработоспособна. Социал-демократы вошли в связь с группой распропагандированных солдат, которые называли себя военной организацией с. д. Подготовлялся военный заговор. Столыпин потребовал снятия депутатской неприкосновенности думской фракции с. д. за устройство военного заговора. 3-го июня Дума была распущена и арестованы депутаты с. д.

Затем был выработан новый избирательный закон, который мог бы дать работоспособное народное представительство в рамках существующих законов. Так как во Второй Думе инородцы часто решали вопросы в ту или иную сторону своим голосованием (в особенности «польское коло»), то было решено, что новый избирательный закон должен дать Государственную Думу «русскую по духу».

В манифесте 3 июня, объявлявшем о новом избирательном законе, было ясно сказано и о прерогативах Верховной Власти. «Все изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов. Только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской. В сознании этого черпаем Мы твердую решимость довести до конца начатое Нами великое дело преобразования России и даруем ей новый избирательный закон». Таким образом власть Русского Царя остается основой государства. Все законы исходят от нее. Манифест 17 октября и Основные Законы 23 апреля установили новый обычный законодательный путь, ограничивающий царскую власть в издании новых законов. Но если спасение государства не достигается обычным законодательным путем – Царская власть остав-

ляет за собой обязанность и право изыскать иной путь. Это и было «самодержавие, такое как и встарь». Государь остался верховным вождем страны.

Глава VI

Столыпинские реформы. Партии

Новый избирательный закон дал Третью Гос. Думу, которая была более работоспособна, чем первые две. Государственный Совет наполовину состоял из выборных членов, наполовину – из лиц по назначению от Государя. И члены Думы и Государственного Совета имели право вносить запросы министрам. Для проведения в жизнь всякого нового закона и для отмены старого требовалось согласие обеих законодательных палат и утверждение Государя. Появились газеты резко оппозиционного направления. В Государственной Думе существовали фракции социалистов. Столыпин выступил в Думе с декларацией, которая начиналась так: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется над влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного ею нового представительного строя» *(С. Ольденбург)*. Родичев, к. д., отвечая Столыпину, сделал личный выпад против него, и тут большинство Думы протестовало криками: вон! долой! Настроение Думы изменилось. Изменил отношение к Думе и Государь. На приветственную телеграмму правых депутатов Государь ответил: «Верю, что созданная Мною Дума обратится на путь труда, и в строгом подчинении установленным Мною Основным Законам оправдает Мои надежды».

Самой крупной партией Третьей Думы были октябристы. В этой партии было правое и левое крыло. Вождем этой партии был Гучков, богатый москвич из купцов («не торгующий купец»). Быв всегда сторонником конституции, он в то время еще не был сторонником революционных действий, так как находился под влиянием П.А. Столыпина, который заставил Третью Думу не только говорить, но и работать. Обсуждение бюджета давало Думе большое влияние на весь государственный аппарат. Ораторам оппозиции предоставлялась возможность публичной критики правительства для своей пропаганды. Но, в общем, между Столыпиным и думским большинством установилось дружное взаимодействие. Все же левые и кадеты все время стремились Думу превратить в парламент. Так, например, Милюков требовал создания «парламентской следственной комиссии» для ревизии железных дорог. Министр финансов Коковцев на это заявил, что «у нас, Слава Богу, нет парламента».

Столыпин прилагал все усилия, чтобы была как можно скорее уничтожена община. Против него выступали и социалисты, и кадеты, и часто правые. Вот выдержка из одной его речей в Думе по этому поводу. «Неужели не ясно, что кабала общины и гнет семейной собственности являются для девяноста миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что путь этот уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? Была минута, и минута эта не далека, когда вера в будущее России была поколеблена… Не нарушена была в эту минуту лишь вера русского Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина»… *(С. Ольденбург)*. Закон о земельном переустройстве прошел большим большинством против социалистов, кадетов и части правых. Что касается военного ведомства, то Гучков все время стремился влиять на обсуждение военных вопросов в Думе. Компетенции законодательных палат подлежали только кредиты, отпускаемые на военные нужды. Государственная Дума в лице Гучкова старалась вмешиваться в область ей не подлежащую, как обсуждение штатов и другие вопросы.

Это вызвало отповедь П.Н. Дурново, в то время члена Государственного Совета, который заявил: «Под рассматриваемым на первый взгляд малым делом скрывается особливо важный вопрос о прерогативах Императорской власти… Не рано ли, господа, менять Российскую Императорскую армию на армию случайностей и дилетантизма?» *(С. Ольденбург)*.

Приблизительно в это же время Столыпин заявил: «Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для нас всех, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» *(там же)*. Так говорил большой государственный человек и патриот П.А. Столыпин, который понимал, что России нужен мир и дружная работа для укрепления мощи Русского государства под скипетром Монарха. Но это же понимали и враги России, как внешние, так и внутренние, которые всячески стремились из Государственный Думы сделать парламент и ввести конституционный строй, в котором роль Монарха сводилась бы к чтению «тронных речей», т. е. «шпаргалок», заготовленных лидерами партий, послушных издревле враждебным нашему историческому государственному самодержавию силам.

Наш Государь был непоколебим именно в этом вопросе. Он понимал (и это было в течение всего Его царствования), что только Он является хранителем наших исторических судеб. Несмотря на все старания наших «передовых», «прогрессивных» и «либеральных» кругов (а на самом деле людей, которые были или сами масонами, или находились под их влиянием, или просто стремящимися по тем или другим причинам к разрушению русской государственности), доказать, что Государь был слабоволен, они не могли убедить в этом честных (как их было мало!) государственных людей заграницей. Вот что говорил о Государе бывший президент Франции Эмиль Лубэ: «О русском Императоре говорят, что Он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император Сам проводит Свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У Него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их Он трудится беспрестанно. Иной раз кажется, что что-либо забыто. Но Он все помнит. Например, в наше собеседование в Компьене у нас был интимный разговор о необходимости земельной реформы в России. Русский Император заверял меня, что Он давно думает об этом. Когда реформа землеустройства была проведена, мне было сообщено об этом через посла, причем любезно вспомянут был наш разговор. Под личиной робости, немного женственной, Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего хочет» *(Newe Freie Presse, 1 янв. 1910 г.)*.

В марте 1910 года Гучков был избран председателем Государственный Думы. Ходили очень упорные слухи, что Гучков хотел при помощи своих докладов Государю влиять на Государя в желательном для него направлении. Очевидно, эти слухи дошли до Государя, но имели обратный результат – Государь относился к новому председателю Думы корректно, но достаточно холодно, чтобы Гучков понял о тщетности своих намерений. Гучков это понял и с этих пор у него к Государю появилось недоброе чувство, которое позже перешло в открытую вражду. В своей вступительной речи, как председатель Государственной Думы, Гучков сказал: «Я убежденный сторонник конституционно-монархического строя и при том не со вчерашнего дня… Вне форм конституционной монархии я не мыслю мирного развития современной России. Мы часто жалуемся на внешние препятствия, тормозящие нашу работу. Мы не должны закрывать на них глаза: с ними придется нам считаться, а, **может быть, придется и сосчитаться**» *(С. Ольденбург)*. И как сосчитался этот злобный гробокопатель России! В угоду «братства вольных каменщиков», деятельным членом которого он был, он был одной из центральных фигур того страшного заговора, который превратил нашу Родину в оплот безбожного Интернационала.

Глава VII

Семья Государя. Императрица. Рождение Наследника и его болезнь

В своем изложении всего того, что предшествовало непосредственным событиям настоящей работы, я подошел к тому месту, в котором необходимо подробно остановиться на личной жизни Государя, Его семье и в особенности на личности Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Потеряв свою мать, Алиса Гессенская, дочь Великого Герцога Гессенского, воспитывалась у своей бабки – королевы Англии – Виктории. Ей было в то время только восемь лет. Ее старшая сестра Элла (Елизавета Федоровна) была замужем за Великим князем Сергеем Александровичем. 14-ти лет принцесса Алиса приехала впервые в Россию навестить свою сестру. Она знакомится с Наследником русского престола Великим князем Николаем Александровичем. Оба проявляют друг к другу симпатию. В следующий приезд принцессы Алисы взаимная симпатия переходит уже в серьезное чувство. Это не ускользнуло от внимания Державных Родителей Наследника, у которых были планы женить своего старшего сына на французской принцессе. Когда через год принцесса Алиса приезжает в третий раз в Россию, Наследнику запрещено с ней увидеться. Проходит несколько лет, но и Наследник Николай Александрович и принцесса Алиса продолжают любить друг друга. Когда Император Александр III заболевает болезнью, сведшей Его в могилу, встает вопрос о браке Наследника престола. Когда старший из Великих князей, Михаил Николаевич, спрашивает об этом Николая Александровича, Тот отвечает, что готов жениться, но только на принцессе Алисе, которую Его родители не хотят видеть своей невесткой. Ни на ком другом Он никогда не женится. Узнав об этом, больной Император согласился на этот брак. По-видимому, Императрица Мария Федоровна не смогла до конца изменить своего внутреннего отношения к будущей жене своего сына. Их отношения так и не стали более сердечными, чем требовал этикет и известные правила, существовавшие в Императорской Фамилии.

Вот что пишет Вел. кн. Александр Михайлович о приезде будущей Императрицы: «Невеста нового Императора, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, прибыла из Германии накануне кончины Александра III. Министр Двора был настолько потрясен болезнью Государя, что забыл отдать распоряжение о высылке на границу императорского поезда, и будущая Императрица Всероссийская путешествовала по России, как простая смертная. В церкви Ливадийского дворца состоялось ее крещение по православному обряду. Бракосочетание молодого Царя состоялось менее, чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского Царя» *(Вел. кн. Алекс. Мих. «Книга воспоминаний»)*[3].

Плохо зная русский язык и все сложные взаимоотношения придворной жизни, молодая Императрица невольно делала ошибки, которые обсуждались и осуждались высшим светом. Застенчивая от природы и терявшаяся в незнакомой обстановке, молодая Императрица была запугана отношением к ней Двора и это создало натянутость в ее обращении с окружающими. Ее сравнивали (и не в Ее пользу) со вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, постигшей в совершенстве все трудности придворного этикета. Мария Федоровна отличалась любезностью и той простотой, которая доступна очень немногим, и своей приветливостью очаровывала своих собеседников. Сказывалось Ее долголетнее пребывание в

[3] В серии «Царский дом» издательство «Вече» опубликовало «Книгу воспоминаний» Вел. князя Александра Михайловича в 2007 г.

качестве супруги Наследника престола в атмосфере Императорского Двора и высшего петербургского света. Она прошла нелегкую школу и ознакомилась с бюрократическим и светским Петербургом.

Молодая Царица незаслуженно была обвинена в снобизме, чего на самом деле, конечно, не было. Ей приписывалась надменность, а на самом деле это было чувство собственного царского достоинства. Она была подлинной Императрицей, в лучшем смысле этого слова, как в свое время была подлинной Королевой Мария-Антуанетта. И одну и другую роковым образом постигла одна и та же судьба. К прискорбию нужно отметить, что Императрица Мария Федоровна не старалась помочь своей невестке разобраться во всей сложности отношений в новой для Нее обстановке и всячески старалась оставаться на ролях царствующей Императрицы. Император Николай II все это близко принимал к сердцу и это не улучшало отношений между Двором и обществом. Молодая Государыня не заслуживала такого отношения к себе, так как Она была на голову выше как и всего придворного окружения, так и многих членов Императорской Фамилии. Очень немногие знали, что у молодой Государыни была хроническая болезнь (воспаление седалищного нерва), которая причиняла Ей часто сильные боли и заставляла Ее на приемах ограничиваться формальной частью и скорее удаляться во внутренние покои. Впоследствии у Государыни начала развиваться и серьезная сердечная болезнь, которая приковывала Ее большую часть дня к кушетке. В домашней обстановке Государыня совершенно менялась. К людям, находившимся в Ее личном услужении, Она относилась внимательно и ласково, заботливо входила в нужды Ее окружающих. Няня Наследника Цесаревича Вешнякова называла Государыню святой женщиной.

В своем очень интересном очерке «Памяти последнего Царя» Архимандрит Константин пишет о двух сановниках Российской Империи, Владимире Гурко и С. Сазонове, в очень лестных для них выражениях. О первом Архимандрит Константин пишет: «Показательна в этом отношении честная и умная книжка В.И. Гурко “Царь и Царица”[4]. Автор ее – один из лучших сынов ушедшей России, один из столпов ее государственного строительства. Человек редкого ума и исключительного образования, он был украшением сановной русской бюрократии». Позволю себе не согласиться с мнением глубокоуважаемого автора цитируемого очерка. Уже сам Архимандрит Константин на стр. 14 пишет о Гурко: «Но, высоко расценивая моральный облик Царя, Гурко не находит ключа к пониманию Его личности…» В плане государственном и для Гурко Царь – «маленький» человек, не стоящий на уровне задач, ставившихся Ему действительностью! По мнению Гурко, Царю вообще была чужда широкая картина – он был «миниатюристом», «способным осознавать только детали». Архимандрит Константин пишет о Гурко, что «пав жертвой интриги, он оказался при проведении реформы (земельной реформы Столыпина. – *В. К.)* в жизнь, обреченным на относительное бездействие, но не озлобился и не превратился в будирующего оппозиционера». Так ли это? Действительно ли все эти Гурко, Сазоновы, Наумовы были на высоте и во время своей деятельности до революции в России, и в своих высказываниях в воспоминаниях, вышедших уже за рубежом? Позже я коснусь вопроса о Сазонове в связи с высказываниями о нем и Архимандрита Константина, и других его современников. Я заговорил о Владимире Гурко, позже я буду говорить о его брате – генерале Василии Гурко и его «вкладе» в февральскую революцию. Гурко не озлобился, пишет Архимандрит Константин. Я сейчас процитирую выдержки из его «честной» книжки, где он говорит о Государыне: «Императрица Александра Федоровна, представлявшимся Ей дамам, в том числе и пожилым, протягивала руку для целования прямо к губам, что у многих порождало возмущение. Недовольные говорили: “Императрица Мария Федоровна, пользующаяся всеобщими симпатиями, неизменно старается, невзирая на свой возраст, не допускать дам до целования своей руки, а вчераш-

[4] В серии «Царский дом» издательство «Вече» опубликовало книгу В.И. Гурко в 2007 г.

няя принцесса захудалого немецкого княжества, где даже умерших хоронят стоя, иначе они окажутся за пределами своей родины, демонстративно на этом настаивает".

Дальше, описывая внешность Государыни, которая была на редкость красивой женщиной, Гурко пишет: «Не привлекала к тому же симпатий и наружность Государыни. В красивых, правильных чертах Ее лица, определенно германского типа, не сказывалась порывистая страстность Ее натуры, в них отражалась величавая флегматичность. Впрочем, с годами и на этом лице можно было заметить перемену: опущенные углы рта, – вероятно, следствие пережитых разочарований в людях и накопившейся в душе горечи, – сообщили чертам Императрицы еще большую холодность и даже оттенок презрительности».

Дальше пишет «незлобный» Гурко: «Императрица всех обдавала холодом и вызывала у своих собеседников отнюдь не симпатичные к себе чувства. Она не умела покорять сердца, даже наиболее склонные преисполняться любовью и благоговением к царствующим особам. Так, например, в женских институтах, состоявших в ведении вдовствующей Императрицы, где всегда господствовала традиция экзальтированного преклонения перед членами Царской Семьи, Александра Федоровна при своих посещениях оставалась холодна как лед. От Государыни Александры Федоровны воспитанницы института не слышали ни одного приветливого слова, не видели ни одного ласкового жеста».

В этих высказываниях Гурко мы видим и неприязнь, и мелочность, и то, что так характерно было для высшего света – пересуды о Государе и Государыни, ну совсем как в свое время было в лакейской, где слуги сплетничали о своих барах.

По счастью, есть и другие отзывы о Царской Чете. Генерал М. Дитерихс, под руководством которого происходило следствие об убийстве Царской Семьи, пишет в своей книге следующее: «Рассматривая Императора Николая II, как носителя и охранителя Божественности происхождения власти русского Государя, нельзя отделять Его от Его Жены Императрицы Александры Федоровны. В браке Государя и Государыни вполне оправдались слова Христа: "так что они уже не двое, но одна плоть". Слияние Их было действительно полным; верой в святость самодержавной власти в Помазанничество Божье Они горели оба с равной силой и с равным самоотвержением, но своей громадной волей и твердым характером Императрица Александра Федоровна дополняла в природе Русского Царя то, чего недоставало в натуре Императора Николая Александровича. Как люди они тяготились своей властью, своим державным положением, но как Царь и Царица России, унаследовав Престол Русского Государства и приняв самодержавную, Богом прославленную историческую власть русских Государей, Они уверовали в истинность и соответствие ее идеологии русского народа всею силой своих православных христианских сердец и недюжинных разумов. Слившись друг с другом «в одну плоть», Они слились с русской идеей о Верховной Власти в одну душу. Они глубоко исповедывали, что высшее право над русским народом, представляемое Им самодержавной властью, заключается для них в высших обязанностях перед народом: "если только нужно для России, Мы готовы жертвовать и жизнью и всем", – говорила Императрица Александра Федоровна. И это были не слова» *(М. Дитерихс «Убийство Царской Семьи»)*.

Несмотря на то что брак Государя с Государыней был счастливым, первые десять лет, когда родились четыре дочери, были омрачены тем обстоятельством, что у Царской Четы не было сына, т. е. Наследника престола. Наконец в 1904 году родился сын. Какая это была радость и для Государя и Государыни и для всей России! Ребенок был на редкость красив, обаятелен и с малых лет стал проявлять Свою волю. Сильную волю Он унаследовал от Деда, обаяние от Отца, красоту от Своей Матери. От Матери же Он унаследовал и неизлечимую болезнь – гемофилию. Началась ужасная трагедия Государыни. Она понимала, что Она является виновницей болезни Своего обожаемого сына, неизлечимой и ужасной болезни Наследника престола.

Американец Robert K. Massie в своей книге «Nicholas and Alexandra» пишет, что причиной появления этого труда явилось обнаружение гемофилии у его сына. Интересуясь наследственностью этой болезни, он стал изучать все известные случаи этой болезни, что и привело его к мысли ознакомиться ближе с семьей последнего русского Царя, сын которого был болен гемофилией. В своей книге (местами интересной, но не без «гафф», столь свойственных нерусским исследователям) он приводит диаграмму распространения этой болезни в нескольких европейских династиях. Эта болезнь передается через женщин (сами они не больны, а только являются передатчицами этой болезни) своим сыновьям.

По генеалогии можно проследить, что начало этой болезни исходит от Королевы Англии Виктории. Она передала эту болезнь своему сыну Леопольду (который умер 31 года), а две ее дочери, Алиса и Беатрисса, были передатчицами этой болезни своим сыновьям. Принцесса Алиса вышла замуж за Великого Герцога Гессенского Людвига IV. От этого брака было пять дочерей и два сына. Один из сыновей (Фридрих) умер от гемофилии 3 лет, и две дочери, Ирена и Алиса были передатчицами гемофилии своим сыновьям. Принцесса Ирена вышла замуж за принца Генриха Прусского. Оба сына ее были больны гемофилией. Принц Вальдемар умер 56 лет и принц Генрих – 4 лет. Принцесса Алиса вышла замуж за Императора Николая II. Их Сын был болен гемофилией. Это был Наследник Цесаревич и Великий князь Алексей Николаевич. Ему было 14 лет, когда Он вместе со своими Державными Родителями и четырьмя сестрами был зверски убит изуверами и врагами нашей Родины. От дочери Королевы Виктории Беатриссы гемофилия через ее дочь Викторию-Евгению, Королеву Испании перешла к двум сыновьям последней – принцу Альфонсу (умер 31 года) и принцу Гонзало (умер 20 лет.). Пишу я об этом так подробно, чтобы показать, что лица, больные гемофилией, могут жить и очень мало и дожить до 56 лет (принц Вальдемар Прусский).

Для Государыни болезнь сына была Голгофой. В особенности, когда у Наследника вследствие ушибов бывали внутренние кровоизлияния, которые причиняли ребенку невероятные страдания. Не меньше Его страдала и Его Мать и морально и физически, так как сердечная болезнь Государыни стала очень быстро развиваться. Я приведу несколько выдержек из воспоминаний П. Жильяра, швейцарца, воспитателя Наследника, который не в пример очень многим русским отправился с Царской Семьей в изгнание и позже всегда с благоговением вспоминал и писал о семье Царственных Мучеников. Как мне всегда стыдно читать воспоминания русских «сановников», генералов, адмиралов, протопресвитеров, полковников и прочих, которые порой с иронией, порой с развязностью дурно воспитанных людей и снисходительностью, а порой и с наглостью и злобой отзываются о Священной Особе Государя Императора и Государыни Императрице. Понимали ли они, эти «монархисты» (как они себя называют), что значит Священная Особа Государя? Верили ли они действительно, что Государь Помазанник Божий и что «власти Монарха повиноваться не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»? Не думаю. В своих воспоминаниях они пишут только о том, как они все предвидели, понимали, знали, и что если бы их «послушался» бы Государь, все было бы в порядке. Затем спохватившись и вспомнив, что Государь и Его Святая Семья прияли Венец мученический, очень коротко заявляют, что после отречения Государь и Государыня действительно заслуживают преклонения перед их мученическим подвигом.

Вернемся к выдержкам из воспоминаний Жильяра. «Мы кончали урок с Вел. кн. Ольгой Николаевной, когда Императрица вошла в комнату с Наследником на руках. Она шла к нам с явным намерением показать мне Его. Она вся сияла беспредельной радостью матери, заветная мечта которой наконец осуществилась. Она была счастлива и гордилась красотой своего ребенка. Цесаревич был действительно прелестный мальчик с чудными белокурыми локонами и большими серо-синими глазами, оттененными длинными ресницами. У Него был свежий цвет лица здорового ребенка, и когда Он улыбался, две ямочки показывались на Его щечках. Он смотрел на меня серьезно и застенчиво и, когда я подошел, с трудом решился

протянуть мне свою пухленькую ручку. Во время этого первого свидания я заметил, как неоднократно Императрица прижимала сына к груди, точно охраняя Его или боясь за Его жизнь. Этот жест и сопровождавший его взгляд обнаруживали острое внутреннее страдание и глубоко поразили меня в это время. Только гораздо позже я понял все значение этого взгляда. Вскоре я узнал, что Он страдает болезнью, о которой говорят неохотно и точный характер которой никто мне не мог определить. Только осенью 1913 г., когда я был назначен воспитателем Алексея Николаевича, я узнал от д-ра Деревенко, который при Нем состоял, в чем заключается эта болезнь. Он мне сказал, что Наследник Цесаревич страдал гемофилией. Он мне пояснил, что малейшее ранение могло повлечь за собой смерть ребенка, так как кровь гемофилитика не имеет свойства сгущаться как у нормального организма. Кроме того, стенки артерий и вен такого больного до того хрупки, что всякий ушиб или даже чрезмерное усилие может вызвать разрыв сосудов и повлечь за собой кровоизлияние со смертельным исходом. Вот в чем состояла страшная болезнь Алексея Николаевича – постоянная угроза его жизни» *(«Царская Семья». Воспоминания П. Жильяра).*

Далее он пишет о Государыне: «Мать целовала Его волосы, лоб, глаза, стараясь лаской своей облегчить Его страдание и вернуть частицу тех жизненных сил, которые постепенно Его оставляли. Какой пыткой было для матери беспомощно присутствовать при мучениях своего ребенка, зная, что Он страдает из-за Нее, что Она сама передала Ему эту страшную болезнь, перед которой наука бессильна. Только тогда я понял всю скрытую трагедию этой жизни и мне стали ясны этапы Ее крестного пути» (там же).

Вкратце я коснусь вопроса, который часто подымался во многих воспоминаниях людей самых различных взглядов – влияние Государыни на государственные дела. В течение долгого времени Государыня ограничивалась тем, что в домашнем быту старалась всячески, чтобы Государь отдыхал от государственных забот. В первый период Своего царствования Государь часто советовался со Своей Матерью, Императрицей Марией Федоровной. Впервые Государь стал говорить со Своей Супругой о государственных делах во время революции 1905 года.

Государыню интересовал вопрос уже тогда о незыблемости самодержавия. Но Она не находилась тогда непрерывно в курсе государственных дел. Государыня была всегда склонна к мистицизму. Приняв православие, Она не стала, как большинство принцесс, вышедших замуж за членов русской Императорской Фамилии, исполнять только необходимые обряды, но всей Своей ищущей натурой обратилась к основам нового для Нее вероисповедания. Болезнь Сына заставила Государыню обратиться к духовенству, прося их молитв, а затем к поискам «праведных молитвенников», которые своими молитвами выпросили бы у Бога чуда, которого так ждала несчастная мать – исцеления неизлечимо больного сына. В это время появляется Григорий Распутин. В то время Государыня была еще в дружеских отношениях с Вел. княгинями Милицей и Анастасией (женами Вел. князей Николая Николаевича и его брата Петра). Наследнику Цесаревичу в те годы приходилось переживать кризис за кризисом, грозившие Ему смертью. Чуда, которого так ждала Государыня, еще не было. Тогда обе Вел. кн. Милица и Анастасия, которые уже принимали у себя Распутина как «старца», посоветовали Государыне принять его у себя. Распутину удалось убедить Государыню, что его молитвы помогут Алексею Николаевичу. И действительно, после его визита бедному страдальцу стало лучше. С тех пор каждый раз, когда Распутин появлялся во дворце во время болезни Наследника, Алексею Николаевичу становилось сразу лучше.

Камер-юнгфера Государыни Тутельберг оставила следующий исторически ценный рассказ: «Распутин попал к Царской Семье впервые, как мне помнится, в Спале. С Алексеем Николаевичем произошло несчастье. Он резвился в бассейне и ушибся. У него отнялась тогда одна нога и Ему было очень худо. Его тогда лечили профессор Федоров, д-р Острогорский, д-р Боткин и д-р Деревенко. Ему было настолько худо, что у Него очень плохо рабо-

тало сердце и был плохой пульс. Все опасались за Его жизнь и Алексей Николаевич страдал ужасно; сильно кричал. Тогда супруга Вел. Кн. Николая Николаевича Анастасия Николаевна указала Ее Величеству на Распутина, как на человека, имеющего особую силу – его молитва исцеляет. Он был у нас, молился о выздоровлении Алексея Николаевича и Алексею Николаевичу тогда же стало легче. После этого Распутин бывал у нас во Дворце неоднократно, но вовсе не так часто, как это говорили. Он бывал у нас тогда, когда бывал болен Алексей Николаевич. Сама я видела его за все время только один раз» *(М. Дитерихс «Убийство Царской Семьи»)*.

Камердинер Волков показал следующее: «Распутина я за все время видел во дворце сам два раза. Его принимали Государь и Государыня вместе. Он был у них минут 20 и в первый, и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у них пил» *(там же)*.

Жильяр рассказал следующее: «Относительно роли Распутина в жизни Царской Семьи я могу показать следующее. Распутин появился у Них, должно быть в 1906 году. Мои многолетние наблюдения и попытки объяснить причину его значения у Них, довели меня до полного убеждения, которое мне кажется истиной, или очень близким к истине, что его присутствие во Дворце тесно связано с болезнью Алексея Николаевича. Узнав Его болезнь, я понял тогда силу этого человека» *(там же)*.

Об одном случае пишет в своих воспоминаниях А. Вырубова: «…последующие три недели Он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя Его комнату, мы затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживала у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой – без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный. Как то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и запершись у себя в кабинете, расплакался. Как-то раз Алексей Николаевич сказал своим родителям: “Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник”. Из Петербурга выписали доктора Раухфуса, профессора Федорова с ассистентом, доктором Деревенко. На консультации они объявили состояние здоровья Наследника безнадежным. Министр Двора уговорил Их Величества выпускать в газетах бюллетени о состоянии здоровья Наследника. Доктора очень опасались, что вследствие кровоизлияния начнет образовываться внутренний нарыв. Раз, сидя за завтраком, Государь получил записку от Государыни. Побледнев, он знаком показал врачам встать из-за стола: Императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего. Вечером после обеда, когда мы поднялись наверх в гостиную Государыни, неожиданно в дверях появилась Принцесса Ирина Прусская, приехавшая помочь и утешить сестру.

Бледная и взволнованная, она просила нас разойтись, так как состояние Алексея Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во дворец в 11 ч. вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: “Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают”. Вскоре Наследник стал поправляться» *(А. Танеева (Вырубова) «Страницы из моей жизни»)*.

Из приведенных мной выдержек становится совершенно понятным, что Государыня считала Распутина святым, который облегчал, а иногда и прекращал страдания Ее Сына. Когда же Ей говорили о недостойном поведении Распутина, Государыня, не доверяя никому, считала все клеветой, тем более что данных у Нее было немало – Она испытала это с самого начала своего пребывания в России.

Позже, когда мы ближе будем к роковым событиям, я покажу из многочисленных данных, имеющихся в моем распоряжении, как одни сознательно, а другие бессознательно использовали легенду о «всемогуществе» Распутина и Вырубовой для достижения своей цели – уничтожения Монархии, а вместе с ней и Российской Империи «Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose!» – говорил за полтораста лет до февраля 17-го года старый циник. И русская общественность от Императорской Фамилии до социалистов всех мастей схватилась за эту мерзкую клевету и с каким-то диким садизмом разрушала все устои нашей тысячелетней государственности и устремлялась в пропасть. А где-то в тиши своих кабинетов главари международных заговорщиков смеялись над одураченными русскими, успешно и стремительно проводящими их планы.

Приблизительно в 1910 году впервые в печати стало появляться имя Распутина. Целый ряд газет («Московские Ведомости», «Речь», «Новое Время») помещали заметки о «старце» Григории, который пользуется большой популярностью в некоторых придворных кругах, где производит впечатление человека праведного с большим религиозным вдохновением, а затем, попадая в другую среду, предается диким страстям и ведет себя зазорно. Сам Распутин на политическое влияние не претендовал, и только значительно позже, незадолго до катастрофы, им старались воспользоваться всевозможные карьеристы для достижения своих целей.

Глава VIII

Гучков и его деятельность. Военная ложа. Появление Распутина. Смерть Столыпина

Несмотря на свое несколько пошатнувшееся положение (роспуск обеих палат на несколько дней и проведение закона о западном земстве по 87-й ст. и временное устранение П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова из Государственного Совета), П.А. Столыпин был чрезвычайно опасен для тех же международных сил, которые неустанно трудились над разрушением нашей Родины. Первого сентября 1911 года в Киеве по случаю приезда Государя и правительства на торжества открытия памятника Александру II, в городском театре ставили «Жизнь за Царя» (какое совпадение!). К концу спектакля в антракте к Столыпину подошел неизвестный молодой человек и смертельно ранил его выстрелом из револьвера. У Столыпина хватило еще сил повернуться к Царской Ложе и осенить крестным знамением находившегося в ложе Государя. Когда Столыпина выносили из театра, он сказал: «Передайте Государю, что я рад умереть за Него и за Родину». 5-го сентября П.А. Столыпина не стало. Убийцей Столыпина был Богров, член с.-р. партии.

Для того чтобы получить возможность убить Столыпина, он стал агентом охранного отделения. Смерть П.А. Столыпина потрясла всю Россию. Только после его смерти широкие круги русского народа почувствовали, какого большого государственного человека утратила Россия. Лучше других об утрате Столыпина написал Л. Тихомиров: «На разбитых щепках некогда великого корабля, с изломанными машинами, пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну, при деморализованном экипаже, при непрекращающейся бомбардировке врагов государства и нации – П.А. Столыпин, страшным напряжением своих неистощимых сил, беспредельной отдачей себя долгу, редкими правительственными талантами, умел плыть и везти пассажиров, во всяком случае, в относительном благополучии… Были лица более глубокие в смысле философии государства, более, конечно, твердого характера, более обширных знаний и, конечно, более определенного миросозерцания. Но правителя, соединившего такую совокупность блестящих качеств, необходимых в то время, когда одному приходится заменять десятерых, правителя такого самоотвержения, такой напряженной сердечной любви к России – я не видел».

Государь долго молился у тела Столыпина. Жена покойного сказала Государю: «Ваше Величество, Сусанины еще не перевелись на Руси». На воздвигнутом памятнике Столыпину в Киеве стояли его слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Но трагическая кончина П.А. Столыпина не изменила направления государственной политики – ее кормчим оставался сам Государь. Преемником Столыпина на посту главы правительства стал В. Коковцов. При новом правительстве усилились нападки оппозиции как слева, так и справа. Сразу сказалось отсутствие ораторского таланта у нового премьера, да и само правительство разделилось на «правое» и «левое» крыло.

Опять на политической сцене появился Гучков, уже смелее проводивший свои нападки против Верховной Власти в завуалированной форме. Гучков в своей речи обвинял охрану в попустительстве убийства. Эти обвинения не имели, конечно, никакой реальной под собой почвы, но звучали эффектно. В это время Гучков уже не был председателем Думы – он ушел с этого поста добровольно, а его заместителем стал тоже октябрист М. Родзянко. Гучков в Думе повел резко оппозиционную линию и в своих выступлениях высказывался и против Распутина в связи со скандалом, в котором участвовали еп. Гермоген и небезызвестный Иллиодор, и против обер-прокурора Синода Саблера, обвиняя его в попустительстве. Обвинял Гучков Распутина и в хлыстовстве. Расследование этого вопроса церковными властями и

знатоком сектантства Бонч-Бруевичем (известным впоследствии большевиком) дало отрицательный результат и Государь стал еще холоднее относиться и к Гучкову, и к новому председателю Думы Родзянко, который хотел подать письменный доклад Государю о влиянии Распутина на государственные дела, не принятый Государем. Все это, конечно, было и лживо, и оскорбительно для Государя. “Поведение Думы глубоко возмутительно; особенно отвратительна речь Гучкова по смете св. Синода. Я буду очень рад, если мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться”. “Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы” – сказал Государь В.Н. Коковцову» *(С. Ольденбург)*.

Но больше всего интересовался Гучков вопросами государственной обороны. Еще раньше при военном министре Редигере произошло выступление Гучкова по поводу штатов, т. е. личного состава командования, что не входило в компетенцию Думы. Это не было случайностью. В своих мемуарах Витте пишет, что Гучков сказал кому-то из русских во Франции: «В 1905 г. революция не удалась потому, что войско было за Государя. …В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; потому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами, желая, чтобы, в случае нужды, войско поддерживало более нас, нежели Царский Дом» *(С. Ольденбург)*.

На квартире ген. В.И. Гурко с разрешения военного министра Редигера собирались видные представители военного министерства. Участник этих совещаний ген. А. Лукомский по этому поводу пишет следующее: «…генерал В.И. Гурко, на своей частной квартире, собирал представителей различных отделов военного министерства – с целью знакомить лидеров различных партий Государственной Думы с различными вопросами их интересовавшими и более детально и подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Члены Государственной Думы на эти собеседования приглашались персонально председателем комиссии обороны Государственной Думы (Гучковым. – *В. К.)*. На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной Думы, но даже и на заседаниях комиссии обороны *(А. Лукомский. «Воспоминания»)*.

А вот, что пишет генерал Н.А. Степанов по этому же поводу в своем исследовании «Работа военной ложи»: «Началось с приглашения, разрешенного военным министром генералом Редигер, офицеров в Государственную Думу, в качестве специалистов по техническим вопросам военных кредитов. Но вскоре бр. А.И. Гучков негласно образовал постоянный кружок для обмена мнениями по военным текущим вопросам, в состав которого вошли члены Государственной Думы Савич Н.В., Крупенский П.Н., гр. Бобринский В.А. и некоторые офицеры, преимущественно генерального штаба (Н.Н. Янушкевич, А.С. Лукомский. Д.Ф. Филатьев и др.), из служащих в Главных Управлениях Военного Министерства, во главе с генералом Василием Иосифовичем Гурко. К этому кружку примыкали свыше генералы Поливанов А.А. и Мышлаевский А. З.

Конституционные собрания происходили сперва на квартире генерала В.И. Гурко. Особенным вниманием хозяина дома пользовался ген. штаба полковник Василий Федорович Новицкий, который в составе небольшой группы революционно настроенных офицеров издавал в 1906 году газету “Военный Голос”, закрытую после обыска и ареста членов редакции».

«Работу военной ложи необходимо сопоставить с возобновлением в начале XX столетия масонских лож в России. Основываясь на статье М. Маргулиеса “Масонство в России за последние 25 лет”, опубликованной в № 16 официального органа французского масонства “Акация”, можно сказать, что в 1909 году в Петербурге были организованы три ложи: “Полярная Звезда”, “Феникс” и “Военная Ложа”. Этот Мануил Сергеевич Маргулиес, старый вольный каменщик французского посвящения, в котором достиг 18-го градуса, был дея-

тельным участником возрождения масонских лож в России. В Петербургской ложе "Полярная Звезда" он быстро достиг 30-го градуса, а затем уже в эмиграции в Парижской ложе "Свободная Россия" мы встречаем его в высших орденских степенях. По профессии он присяжный поверенный, во время войны был ближайшим сотрудником Гучкова в Военно-Промышленном Комитете, а в 1919 году у генерала Юденича состоял министром торговли. Н.Д. Тальберг в статье о Гучкове (см. № 21 "Владимирского Вестника"), основываясь на статье Маргулиеса в "Последних Новостях", описывает встречу Гучкова с тремя русскими в Константинополе, ездившими туда, чтобы познакомиться с техникой младотурецкого переворота. Цели поездки не совсем понятны, если не принять во внимание, что и Гучков, и трое "русских", о которых говорит Маргулиес, ездили в Стамбул в качестве делегатов от русского масонства к турецкому. Об этом Маргулиес на страницах указанного нами журнала "Акация" говорит откровенно, что после учреждения в России Высшего Совета была организована миссия, которая была послана заграницу и посетила Цюрих, Берлин, Будапешт, Рим, Венецию, Константинополь, где она "побраталась с младо-турками". "Возвратясь в Россию, – говорит Маргулиес, – мы учредили две новых ложи: одну в Одессе и другую в Киеве"».

Вот эта-то любознательная поездка и привела к организации в Петербурге чисто военной ложи, учредителями которой генерал Степанов называет Гучкова и генерала В.И. Ромейко-Гурко. Члены раньше существовавшего кружка либеральных военных, преимущественно генштабистов, образовали готовое ядро организаторов этой ложи, согласованной с поучениями, воспринятыми от младо-турок. Так, в 1909 году бр. Гучковым создан был независимый штаб, собиравшийся на квартире генерала В.И. Гурко на Сергиевской улице. В его состав вошли главным образом молодые карьеристы генерального штаба, располагавшие всеми секретными сведениями Главного управления Генерального штаба Императорской Русской Армии. Штаб этот установил живую непосредственную связь с оппозиционной Государственной Думой и корпусом офицеров Императорской Армии. Постоянно осведомленные из первых рук о всех недочетах, промахах и предположениях военного и морского ведомств, руководимые Гучковым, заговорщики искусно и широко сеяли в войсках семена недовольства и подрывали авторитет не только начальства, членов Императорского Дома, но и Самого Государя Императора.

В своих «Воспоминаниях», генерал В.А. Сухомлинов рассказывает так: «Когда я принял министерство (1909 год), мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилось еще какое-то учреждение вне ведения военного министра, состоящее из военных чинов под председательством А.И. Гучкова. Совершенно случайно я узнал об этом; список участников постоянных, 9 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал В.И. Гурко, редактор истории японской войны, полковник барон Корф и другие чины военного ведомства.

Я доложил об этом Государю, как о факте ненормальном и о том, что все эти чины давно уже состояли в списке кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения… всех их выпроводить из столицы… Государь улыбнулся и сказал: "Вполне одобряю – так и сделайте"… Открывшаяся вакансия начальника 1-й кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко, первый открывшийся стрелковый полк – полковнику барону Корфу и т. д.»…

«Одновременно, – отмечает генерал Н.А. Степанов, – собрания "Военной ложи" были взяты под надзор полиции, в военных кругах Петрограда пошли разговоры "о наших младо-турках". В правительственных кругах генерала Гурко называли "красным". Вследствие этого работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерли – ложи "заснули". Но это не помешало существованию младотурок среди офицеров, главным образом Генерального штаба» *(Н. Свитков «Военная ложа». Владимировский Вестник, № 85. Стр. 10, 11 и 12).*

Видя свою неудачу, Гучков направил свой очередной выпад против военного министра Сухомлинова. Он заявил, что Сухомлинов поручил надзор за офицерами своему приятелю жандармскому полковнику Мясоедову. Мясоедов, отрицая эту клевету, вызвал Гучкова на дуэль, которая и состоялась, не причинив, впрочем, никому вреда. Под самый конец работ Третьей Государственной Думы Гучков опять выступил против постройки крупного надводного флота, предлагая ограничиться «оборонительным флотом» из миноносцев и подводных лодок. Но в этом случае он не получил ожидаемой поддержки (за его предложение голосовали только социалисты, кадеты и он сам) даже со стороны своих же октябристов, и программа морского ведомства была принята.

После закрытия Думы, Государь сказал: «Не скрою от вас, что некоторые дела получили не то направление, которое Мне представлялось бы желательным. Считаю, что прения не всегда носили спокойный характер. А для дела главное – спокойствие. С другой стороны, Я рад удостоверить, что вы положили много труда и стараний на разрешение главных в Моих глазах вопросов: по землеустройству крестьян, по страхованию и обеспечению рабочих, по народному образованию и по всем вопросам, касающимся государственной обороны» *(С. Ольденбург)*.

Читающие настоящее исследование заметят, конечно, что я часто прибегаю к выдержкам и цитатам многочисленных статей и книг. Делаю это я умышленно – я пользуюсь возможностью привести подлинные высказывания как Государя, так и других исторических лиц, а кроме того, в моем изложении я касаюсь вопросов «деликатного свойства», и я не хочу, чтобы я подвергся нападкам со всевозможных сторон за то, что я, мол, задел память какого-либо «вождя» или оскорбил память всеми чтимого «общественного деятеля», или непочтительно выразился о «сановнике» и т. д. Это обстоятельство не отнимает от меня права комментировать ту или иную выдержку и в заключение сделать свои выводы. Этим я, конечно, воспользуюсь, так как это **мое** исследование и, как я уже сказал в своем предисловии, настоящая работа писалась с использованием социологического анализа; основой же этого анализа является нравственное начало.

Мое религиозное мировоззрение исключает возможность какого-либо другого подхода, как, например, «гуманистического» или, столь модного теперь, «прогрессивного».

Глава IX

IV Дума. Коковцев. Рост России. Записка Дурново. Замыслы против России заграницей. Война. Настроение в начале войны

Выборы в IV Думу дали полевение. Председателем был переизбран Родзянко. Дума заявила уже в самом начале, что «Государственная Дума приглашает правительство твердо и открыто вступить на путь осуществления начал манифеста 17 октября и водворения строгой законности» *(С. Ольденбург)*. Между прочим, начиная приблизительно с этого времени (конец 1912 г.) «прогрессивная» русская общественность всячески старалась и в печати, и в разных высказываниях подчеркнуть свои англофильские и франкофильские чувства и высказать свое сдержанное отношение к Германии. Одна из газет писала («Русская Мысль»): «Мы не должны с легким сердцем проповедовать ту активную германофобию во внешней политике, которая у нас, иногда, считается признаком прогрессивного образа мыслей». Таким образом уже тогда круги, влиятельные по своим международным связям, стали психологически готовить общество к возможности войны с Германией. Известный член Государственного Совета Н.А. Павлов по этому поводу в своей книге пишет, ставя точки над и: «Надо было создать что-нибудь огромное, чтобы сломать дух, а с ним повалить в бучу интернациональной мерзости – народ. План заговора был верен: зажечь сомнение в Царе – Думой. Через нее хлынуть в народ молвой, клеветой, и вовлечь страну в войну. Вооружив народ, бросить в него идею бунта, мира и земли» *(Н. Павлов «Его Величество Государь Николай II»)*. Уже в феврале 1913 г. Родзянко призывал Государя вмешаться в войну, когда происходила война между Турцией и балканскими странами. Павлов пишет: «Заговор бередит международные отношения. Поднят славянский вопрос; заработала печать. Дума вступается за славянство. Общественники и депутаты посланы в Славянские земли. Английская и французская печать сочувствуют этому движению»… *(Н. Павлов)*. В 1913 году исполнилось 300 лет со дня вступления на престол первого Романова, Михаила Федоровича. В манифесте, выпущенном по этому поводу, говорилось: «Совокупными трудами венценосных предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создалось и крепло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но народ русский, твердый в вере православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира» *(С. Ольденбург)*.

Гучков, провалившийся на выборах в IV Думу, уехал заграницу, но, вернувшись, снова взялся за свою разрушительную работу. Под его влиянием фракция октябристов распалась на левое и право крыло. Левое – стало называться земцами-октябристами во славе с Родзянко и Савичем. А вне России происходили весьма симптоматические явления. Германский Рейхстаг утвердил огромные военные кредиты, а Франция увеличила срок военной службы до трех лет. Император Вильгельм, который был ловко использован силами, стремящимися к войне, часто повторял еще в 1913 году, что «война может сделаться неизбежной и тогда совершенно безразлично, кто начнет ее». В. Коковцов пишет в своих мемуарах, что вернувшись в Россию из поездки по Европе, во время которой он виделся с Императором Вильгельмом и долго с ним беседовал, следующее: «Государь долго молчал. Он смотрел в окно, в безбрежную морскую даль (Ливадия), и, наконец, точно очнувшись от забытья, сказал: “На все – воля Божия!”» *(В. Коковцев «Из моего прошлого»)*. Государь знал, что войны он не начнет, но понимал, что не от Него одного это зависит. «Запад издавна готовился к войне: Франция – в целях самозащиты; Англия – во имя мировой торговой гегемонии; Германия –

с целью захвата власти на континенте и колонизации земель России. Австрия бряцает оружием немцев. Малые страны, как и великие, жаждут расширения территорий. Капиталисты потирают руки, предвкушая наживу, и имеют свой заговор и план. Социализм, имея тоже заговор, учитывает войну, как неминуемое свержение ряда монархий и победу демократий… Ближний восток – всегда готовый для взрыва пороховой погреб.

Не желает войны один Государь Николай II. Но уже после Японской войны, Россия как Империя, перестала принадлежать себе, и занимая "почетное" место среди "великих" держав, во всякую минуту может быть вовлечена в войну»… *(Н. Павлов «Его Величество, Государь Николай II»).* Даже в русском правительстве появились сторонники войны. Ольденбург утверждает, что Кривошеин и в особенности Сазонов «исходили в своих суждениях из того, что войны, все равно, едва ли избежать». В самом начале 1914 года Государь расстался с Коковцовым (из-за винной монополии) и заменил его на посту главы правительства, старым, но безукоризненно верным Государю и самодержавному принципу, И.Л. Горемыкиным. Оппозиция пустила в ход тогда памфлет (ну, совсем как во Франции перед «великой» революцией!) – «горе мыкали мы раньше, горе мыкаем теперь». Обиженный В.Н. Коковцов перешел тогда в лагерь «обиженных» сановников, какими были уже, а впоследствии стали Витте, Кривошеий, Крыжановский, Сазонов, Наумов и др.

Сам И.Л. Горемыкин называл себя «старой шубой, вынутой из нафталина», что не соответствовало действительности: он еще был и живым, и умным, я бы сказал мудрым стариком.

К началу 1914 года в России произошли в экономической области и в области народного образования такие перемены, что они бросались в глаза даже иностранцам, почти всегда предубежденно относившимся к России. Эдмон Тэри, редактор «Economiste Europeen» писал в конце 1913 года: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом, и финансовом отношении» *(Edmond Thery «La Transformation economique de la Russie», Janvier 1914).*

Но наряду с этим хозяйственным подъемом появились и отрицательные явления, как хулиганство в деревне и городах, упадок религиозности в крестьянской среде, разочарования в кругах молодого поколения. Кн. Е. Трубецкой писал в статье «Новая земская Россия», наделавшей в свое время много шума: «Несомненный, бросающийся в глаза рост материального благосостояния пока не сопровождается сколько-нибудь заметным духовным подъемом. Духовный облик нашей мелкой буржуазной демократии едва ли может быть назван симпатичным… Растет какой-то могучий организм, но вырастет ли из этого со временем человеческое величие или же могущество большого, но не интересного животного?» *(С. Ольденбург).*

Среди этой общественности только Царская Власть, опираясь на традиции и долгий опыт правления, направляла жизнь страны. Царская Власть стояла выше интересов отдельных групп населения. П.Н. Дурново, один из немногих прозорливых людей того времени, писал в феврале 1914 года: «Хотя это звучит парадоксально, но соглашение с оппозицией в России безусловно ослабляет правительство. Более чем странно требовать, чтобы оно серьезно считалось с оппозицией и ради нее отказалось от роли беспристрастного регулятора социальных отношений». Государь всецело разделял эту точку зрения. Он знал, что ни в Думе, ни в русском обществе нет никого, кому бы Царская Власть могла бы доверить судьбы Российской Империи.

Незадолго до войны (в феврале 1914 г.) П.Н. Дурново, член Государственного Совета, а в свое время министр внутренних дел, который так удачно подавил революцию 1905 года, когда растерявшийся Витте выпустил из своих рук бразды правления, представил Государю записку, в которой пророчески предсказал, что будет, если вспыхнет война между Россией

и Германией. «Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам… Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи – будем надеяться, частичные – неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении… При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение… Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него… В стране начнутся революционные выступления… Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» *(«Красная Новь», 1922 г.)*.

П.Н. Дурново дальше говорит, что Тройственное согласие России, Франции и Англии искусственно, не соответствует интересам России, и потому значительно предпочтительным является союз России, Германии и Франции. Он дальше писал, что грядущая война нужна Англии, которая стремится удержать ускользающее от нее господство над морями и роль арбитра в Европе, а для России и Германии глубоко нежелательна, как сводящаяся к ослаблению монархического начала. Он также писал, что впоследствии и произошло, что Россия будет ввергнута в ужасную анархию, а Германия в случае поражения переживет не меньше социальные потрясения. Но записка эта, при всей своей гениальной прозорливости, уже запоздала – Германия уже бряцала оружием, а тон русской печати явно становился демагогическим. Вообще все разыгрывалось как по нотам. Гучков вел антигерманскую кампанию, да и правительственные круги не отставали от общего тона.

27 февраля в «Биржевых Ведомостях» появилась статья – «Россия хочет мира, но готова к войне». Статья эта была написана с одобрения военного министра Сухомлинова. Вот ее краткое изложение: «С гордостью мы можем сказать, что для России прошло время угроз извне. России не страшны никакие окрики. Русское общественное мнение, с благоразумным спокойствием относившееся к поднятому за последние дни за границей воинственному шуму, было право: у нас нет причин волноваться. Россия готова! Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно забудет понятие “оборона”… Русскому общественному мнению важно сознание, что наша родина готова ко всем случайностям, но готова исключительно во имя желания мира». Статья эта только «подливала масло в огонь» и не говорила о благоразумии военного министра.

Внутреннее положение тоже обострялось. Забастовки становились все более частыми. Гучков, как гласный петербургской городской думы, предложил отпустить 100.000 рублей на помощь семьям бастующих, но его предложение не прошло. В это время в Государственной Думе был выбран громадным большинством голосов (303 против 11) на пост товарища председателя А.Д. Протопопов.

28 июня в Сараево был убит со своей женой наследник престола Австро-Венгрии, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Государь выразил соболезнование Императору Францу-Иосифу. Но уже через несколько дней в Австрии началась кампания против Сербии. И хотя убийцей был австрийский подданный (Гавриил Принцип), австро-венгерская печать стала обвинять в организации убийства эрцгерцога Сербию. В России думали, что Германия повлияет сдерживающе на Австрию. Но в печати писали, что Австрия хочет использовать это убийство в политических целях.

В России в это самое время, как по мановению волшебной палочки, начались забастовки, которые постепенно принимали угрожающие размеры. Из Баку, где начались забастовки, которые перекинулись затем в Петербург, Москву и Ревель. В Петербурге рабочие разбирали мостовую, переворачивали трамваи и забрасывали камнями полицию. Так как в это время прибыл в Россию французский президент Пуанкаре, то высказывались предположения, что эти забастовки и выступления рабочих организованы на немецкие деньги.

Сразу после отъезда Пуанкаре, 11 июля, Австрия предъявила ультиматум Сербии. Условия ультиматума были совершенно неприемлемы для независимого государства. Сазонов, узнав о содержании ноты с ультиматумом, сказал: «C'est la guerre europeene».

В «Русском Инвалиде» (военный официоз) появилось 12-го июля сообщение: «Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием австро-сербского Столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной». Фактически ультиматум Австрии и это сообщение в русском военном официозе уже предрешали войну. Эта война была нужна всем, кроме России. Н. Павлов, как всегда страстно и порывисто, но правдиво пишет, кому нужна была эта война: «Видя наши успехи, руководящие круги некоторых стран задались планом свести Россию на положение второстепенной державы… Самой неудачной частью нашей бюрократии была дипломатия. На протяжении веков и – в разрез с твердостью Монархов – проявляется уступчивость, угодничество и раболепство чинов ведомства перед Западом. На глазах дипломатии, без всякого противодействия, общественное мнение Запада встает против строя и Монархии. На глазах наших послов русский заговор растет и сливается с иностранным. Г.г. Извольские, Поклевские и им присные светские снобы и англоманы раболепствуют перед Британией. Наши послы и министры, Тимирязевы и Витте – восхищаются Вильгельмом.

С 1911 года в Германии готов план разгрома и колонизации России, и с 1908 года англичане изучают план свержения Царизма и расчленения нас республикой. Малые державы – пассивные участники этих планов…

Обе наши войны, благодаря дипломатии – внезапны, оттого так тяжелы. История раскроет систему готовящихся планов и образование западного международного заговора – блока. Как известно 70 миллионов немецких марок на кампанию Ленина, так известно и многое другое. Государь слабо осведомлен о сочувствии иностранцев русскому заговору. Не теряя достоинства, Он старался поддерживать добрые отношения с коронованными собратьями и родственниками, издавна готовящимися к выступлению против Него и России. Высокие собратья весьма нежны и доброжелательны в переписке. Их советы сердечны; объятия почти искренни… Побуждения монархов Запада и Государя были различны. Войну хотят парламенты. В узлы нитей социальных заговоров и интересов входят и выгоды капиталистов; чаянья социалистов, коммерческие расчеты, биржа и интересы экспорта. На Западе свои старые счеты и **Запад хочет войны**. Монархи – не смеют хотеть или не хотеть войны. Они народопослушны и, сохраняя важность сана, санкционируют желание парламентов.

России не нужны ни война, ни интересы торговые, ни биржевые. Нам не нужна война, и мы можем быть только вовлечены в нее. У нас вся ответственность на Государе, и Дума на Него ее и возложит… У Государя все основания не принять войну, – но затронута честь страны; – войны требует общество и Европа, и Он подчиняется неизбежному, уверенный в силе армии. Государем проявлено огромное напряжение воли и мужества в принятии войны. Пережив уже тягости войны и революции – Он спокойно, молитвенно и веря в народ и судьбу берет на себя этот новый крест… В наступивших сумерках Европы, в качании идеологий и былых устоев поколеблено до основания и начало монархическое. Иными нациями и демократиями оно будет из милости оставлено, как antiquite, как парадный символ прошлого. Эдуард VII использовал свое закулисное положение с целью ослабления всех стран. Виль-

гельм – в сторону беспощадного плана нашествия, захватов, всяких насилий. Монархи сами шатают свои троны и авторитеты, основанные в былое время на рыцарском благородстве.

Государь наш не сходил постепенно по ступеням Трона. Нет, – Он высоко несет Царский стяг. У Него одно слово. Он верит в прочность гордых начал Монархии, верит Монархам, и в родство сана и крови. Его действия прямы, и Он примет войну за свой страх. Международные события складываются вне воли Государя. Силы против Него слишком велики. На Него ополчаются скрытые в то время и полуобнаженные сегодня международные организации. Один, без согласия с другими монархами, Он – бессилен»… *(Н. Павлов «Его Величество Государь Николай II»)*.

В ответ на отчаянный призыв королевича-регента Александра Государь заявляет, что «ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Таким образом положение стало безвыходным – Австрия зашла слишком далеко (науськиваемая Германией), а Россия не могла оставаться безучастной. 15-го июля Австрия объявила войну Сербии. Государь пытался оказать давление на Германию с целью остановить кровопролитие. Но уже и в Германии, как во Франции и Англии, установилось мнение о «неизбежности» войны. Тогда и Россия решила объявить частичную мобилизацию (4 военных округа). Но Янушкевич, тогда начальник Генерального штаба, и Сазонов настаивали перед Государем на проведении всеобщей мобилизации, указывая, что, начав частичную мобилизацию, Россия встретилась бы с непреодолимыми затруднениями, если бы пришлось по ходу событий (а это было весьма вероятно) все же прибегнуть к всеобщей мобилизации. Государь все же телеграфировал Вильгельму с заверением, что, хотя остановить мобилизацию нельзя по техническим причинам, русские войска не начнут военных действий.

Несмотря на это, ночью с 18-го на 19-го июля германский посол граф Пурталес явился к Сазонову и предъявил ультиматум – приостановить мобилизацию. Ни достоинство России, как Великой Державы, ни военно-технические основания не позволили, конечно, принять это неслыханно дерзкое заявление Вильгельма, этого «коронованного фельдфебеля», как его многие называли. Россия повторила свое заверение, что русские войска не начнут военных действий, пока длятся переговоры.

19-го июля (1-го августа) в 7 ч. 10 м. вечера Пурталес вручил Сазонову объявление войны.

Так началась Великая война. Но войны этой могло бы и не быть, если бы Англия дала твердое обещание выступить на стороне России и Франции. И отсутствие этого заявления Англии дало возможность Германии поддерживать остро враждебную позицию Австро-Венгрии. Англия хотела этой войны, и ее выступление несколькими днями позже дало возможность разразиться Великой войне, так страстно желаемой силами заговора международных тайных организаций.

Мириэль Бьюкенен, дочь английского посла в России, пишет в своих воспоминаниях следующее: «О том, что центральные державы были уверены в нейтралитете Англии в возникшем конфликте, ясно свидетельствовали слова одного австрийского дипломата, который посетил меня в эти критические дни. Он был очень удивлен, когда я ему заявила, что все мои симпатии находятся на стороне России. “Но Англия не предпримет никаких решительно шагов, – ответил он мне. – Ее соглашение с Россией и Францией носит условный характер. Англия никогда не примет деятельного участия в ссоре из-за Сербии”» *(Мириэль Бьюкенен «Крушение Великой Империи»)*.

И затем после объявления уже войны Германией, когда Англия еще не выступила, боясь, что еще можно уладить военный конфликт мирным путем, а затем, когда была пущена в ход военная машина всех участников, нашла предлог для выступления (нарушение нейтралитета Бельгии), дочь посла пишет: «В течение всего следующего дня мы жили в атмосфере крайнего нервного напряжения, являвшегося следствием неопределенности и неуве-

ренности в вопросе: “Что предпримет Англия?” – вопрос, на который трудно было ответить. Драгоценные дни проходили, а кругом раздавался шепот, что Англия всегда склонна к колебаниям, ждет последней минуты, взвешивает все шансы за и против, вместо того, чтобы принять определенное решение. И наконец, 8 августа, в пять часов утра, моя мать разбудила меня со словами: “Пришла… Пришла телеграмма из Англии! В ней сказано: “Война с Германией! Действуйте”» *(там же)*. И английский посол стал “действовать”.

Но то были англичане; им, конечно, были дороже всего интересы Англии. Но вот отзыв русского о Вильгельме и нашем Государе: «Вильгельм начал обходить присутствующих. Я не спускал с него глаз. Как сейчас, помню его пристальный, испытывающий, как бы пронизывающий взгляд. Он как будто впивался в каждого, стараясь выпытать, выжать от него все, что можно. Решительностью, смелостью, задором, даже, пожалуй, надменностью и дерзостью веяло от него. Видно было, что этот человек все хочет знать, всем в свое время воспользоваться и все крепко держать в своей руке. Невольно вспомнился наш Государь робкий, стесняющийся, точно боящийся, как бы разговаривающий с ним не вышел из рамок придворного этикета, не сказал лишнего, не заставил его лишний раз задуматься, не вызвал его на тяжелые переживания» *(«Воспоминания» т. I., о. Г. Шавельский)*.

Отзыв этот вряд ли можно назвать добрым. Но об авторе этих «Воспоминаний» еще придется говорить не раз. Приведу пока что выдержку из рецензии на «Воспоминания» из «Часового», № 353: «автор – священник и это уже одно требовало бы у него известной снисходительности к людям. Он, наоборот, жесток к ним». Мне придется еще много раз цитировать подробные суждения многих участников русского лихолетия.

О личных переживаниях Государя перед войной подробно пишет А. Вырубова, имевшая возможность наблюдать вблизи все события этих дней: «Дни до объявления войны были ужасны; видела и чувствовала как Государя толкают: война казалась неизбежной. Императрица всеми силами старалась удержать его, но все ее убеждения и просьбы ни к чему не привели. Играла я ежедневно с детьми в теннис; возвращаясь заставала Государя бледного и расстроенного. Из разговора с ним я увидела, что он считает войну неизбежной. Он утешал себя, говоря, что война укрепит национальные чувства, что Россия после войны станет еще более могучей и т. д. В это время пришла телеграмма от Распутина из Сибири, где он лежал раненный, умоляя Государя: “не затевать войну, что с войной будет конец России и им самим и что положат до последнего человека”. Государя телеграмма раздражила, и он не обратил на нее внимания. Когда была объявлена общая мобилизация, Императрица ничего не знала. Кабинет Государя отделялся от комнаты Императрицы только маленькой столовой. Я слышала, как они около получаса громко разговаривали; потом она пришла обратно, бросилась на кушетку и обливаясь слезами, произнесла: “Все кончено, у нас война, и я ничего об этом не знала”. Государь пришел к чаю мрачный и расстроенный, и этот чай прошел в тревожном молчании. Последующие дни я часто заставала Императрицу в слезах. Государь же был лихорадочно занят. Императрица же до последней минуты надеялась, что можно предотвратить войну. 19 июля вечером, когда я пришла к Государыне, она мне сказала, что Германия объявила войну России; она плакала, предвидя неминуемые бедствия» *(А. Танеева (Вырубова) «Страницы из моей жизни»)*.

А вот что пишет о причинах возникновения войны Великий князь Александр Михайлович: «Причиной мирового конфликта являлись соперничество Великобритании и Германии в борьбе за преобладание на морях и совокупные усилия “военных партий” Берлина, Вены, Парижа, Лондона и С.-Петербурга.

Если бы Принцип не покушался на жизнь австрийского эрц-герцога Франца-Фердинанда, международные сторонники войны изобрели бы другой повод.

Вильгельму II было необходимо, чтобы война началась до выполнения русской военной программы, намеченной на 1917 год.

Император Николай II сделал все, что было в Его силах, чтобы предотвратить военные действия, но не встретил никакой поддержки в своих миротворческих стремлениях в лице своих ближайших военных сподвижников – военного министра и начальника Генерального штаба. До полуночи 31 июля (нов. ст.) 1914 года британское правительство могло бы предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно и определенно заявило о своем твердом намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Асквитом и сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров. Протест против нарушения нейтралитета Бельгии, заявленный британским правительством тремя днями позднее, говорил скорее о человеколюбии, чем звучал угрозой. Англия вступила позже в войну, не потому что свято чтила незыблемость международных договоров, но скорее всего из чувства зависти в отношении растущего морского могущества Германии. И я думаю, что, если бы президент Вильсон понял бы до начала мировой войны, что "ради справедливости и мира", Америка должна будет выступить на стороне Франции и России, если бы он твердо объявил Германии об этом решении, – война была бы предотвращена» *(Вел. кн. Александр Михайлович «Книга Воспоминаний»).*

Вот те скрытые причины, которые вовлекли Россию в войну. И прав был Н. Павлов, когда он писал, что война была предрешена уже значительно раньше международным заговором, использовав военные круги Германии и чванного, совсем неумного и настоящего «фельдфебеля» по внешности и манерам, который так импонировал русскому протопресвитеру Армии и Флота. Впрочем, говорят, что о вкусах не спорят.

Во всех мемуарах, во всех описаниях начала войны говорится о необыкновенном энтузиазме, о тех внезапных демонстрациях патриотизма и радостного возбуждения, которое охватило все общество. Кричали «ура», пели народный гимн и опускались на колени, когда Государь выходил на балкон. Забастовки прекратились сразу, и все ликовали. Совершенно необходимо остановиться подробнее на этом явлении. Почему вдруг далеко не патриотически настроенное общество, Государственная Дума, даже совсем левые круги пришли в восторг? Было ли это подлинным патриотическим подъемом или чем-то совсем другим? Постараемся во всем этом разобраться.

Эта война была логическим следствием политики, встречавшей полное одобрение либеральных интеллигентских кругов, т. е. союз с Францией и Англией. Всюду царило убеждение, что эта война соответствует стремлениям «передовой» части общества. Деревня энтузиазма не проявляла, но была вполне лояльна. Государственная Дума единогласно (!) приняла все кредиты, связанные с ведением войны.

Но лидер трудовиков А. Керенский сделал примечательную оговорку: «Мы верим, что на полях бранных, в великих страданиях, укрепится братство всех народов России и родится единая воля, которая освободит страну от страшных внутренних пут».

Милюков заявил: «Фракция Народной Свободы неоднократно говорила в Государственной Думе о тех вопросах (польский и еврейский), которые были затронуты двумя ораторами, говорившими с этой кафедры. Ее мнение по этим вопросам всем хорошо известно, и, конечно, никакие внешние обстоятельства не могут изменить этого мнения. Когда настанет время, фракция вновь заговорит о них и вновь будет указывать на единственно возможный путь внутреннего обновления России. Она надеется, что, пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к своей заветной цели».

А некоторые газеты писали следующее: «Хочется верить, что раз правительство в одном вопросе правильно оценило всю роль и значение общественных сил, оно не остановится, и за первым шагом навстречу обществу будут и последующие. При таких условиях налетевший шквал быть может неожиданно окажется для России тем потоком свежего воздуха, который очищает затхлую атмосферу, и вызвав национальный подъем, приведет к оживлению нашей внутренней жизни, к развитию и торжеству прогрессивных начал»

(«СПб. Курьер», 17 июля 1914 г.). «И если, паче чаяния, нам придется воевать, то мы знаем, что воюем не с немецким народом, а с его правительством, попавшим во власть придворных интриганов, юнкерства и бреттеров в военных мундирах» *(«Русское Слово» 17 июля).*

А члены Государственной Думы обменивались рукопожатиями с представителями правительства и со своими политическими противниками и все радовались чему-то, как будто для России наступал светлый, радостный праздник.

И никто не захотел тогда проанализировать этого «подъема». Никто не захотел понять, что борьба будет затяжной и ужасной. Никто не захотел предвидеть (кроме П.Н. Дурново), что страны будут подвергнуты большим искушениям и испытаниям, что мировой пожар, который вызовет европейская война, используют темные силы для своих целей и что эти силы сконцентрируют мощный удар против самодержавной христианской Империи – России. Решаясь на эту борьбу, человечество шло «навстречу невообразимым страданиям».

Глава X

Верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Военные действия. Неудача в Восточной Пруссии. В Ставке Великого князя. Замыслы Великого князя. Интриги Ставки против Государя. Неудачи на фронте

Вопрос о Верховном главнокомандующем не был решен сразу. Вначале Государь сам предполагал стать во главе армии. Полевое управление войсками было составлено в предвидении, что Верховным главнокомандующим будет Император. Но Совет министров высказался за назначение другого лица и Государь согласился с мнением Совета, хотя и против своего желания. Были две кандидатуры на пост Верховного главнокомандующего – Вел. кн. Николай Николаевич и военный министр В.А. Сухомлинов. Начальником Штаба Государь, еще предполагая стать самому Верховным Главнокомандующим, назначил начальника генерального Штаба Н. Янушкевича, а генерал-квартирмейстером Ю. Данилова («Черного»).

Мне придется очень подробно остановиться на описании характеров некоторых высших чинов армии, министров, членов Государственной Думы и некоторых общественных и политических деятелей, а также членов Императорской Фамилии, и, конечно, их деятельности и поведения во время войны, потому что только таким образом мы поймем те два мира, органически разных, я сказал бы духовно чуждых друг другу, которые как бы символически воплощали в себе два лица: Государь Император Николай II и Его начальник штаба, как Верховного главнокомандующего, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Я, конечно, не буду останавливаться подробно на ходе военных действий, что не является темой настоящего исследования. Буду касаться только вкратце тех военных операций, которые влекли за собой те или другие изменения как в командовании армии, так и в известных назначениях в управлении государства.

Уже самое начало войны ознаменовалось нашим ускоренным наступлением в Восточной Пруссии ввиду того, что германские армии быстро продвигались в северную Францию и французское правительство настаивало на русском наступлении. Из-за целого ряда неудачных обстоятельств наступление это, вначале успешно развивавшееся, кончилось крупным поражением под Танненбергом, где армия ген. Самсонова была разгромлена, сам Самсонов покончил с собой и несколько десятков тысяч русских было взято в плен. Вскоре после этого Россия, Франция и Англия подписали договор о не заключении сепаратного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.